

ШПИОН МАНИЯ

Сергей
ДОНСКОЙ
сотрудник отдела
невидимок

Сергей Георгиевич Донской

Сотрудник отдела невидимок

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281502
Сотрудник отдела невидимок: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25240-4*

Аннотация

Иван Юрьев – агент российской Службы внешней разведки без прикрытия. Это значит, что любой неверный шаг может обернуться для него гибелью. И даже здесь, на мирном болгарском курорте, смерть ходит за ним по пятам. Но задание надо выполнить: ликвидировать лидера чеченских боевиков, благоденствующего на борту роскошной яхты. Как это сделать, если к яхте не подобраться, а центр забыл о своем агенте, ко всему этому помощница-болгарка умеет делать все, кроме оперативной работы? Иван Юрьев решается на отчаянный шаг...

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	12
3	19
4	21
5	24
6	28
Глава вторая	32
1	32
2	37
3	40
4	46
Глава третья	54
1	54
2	60
Глава четвертая	65
1	65
2	69
3	75
4	79
Глава пятая	84
1	84
2	87

Глава шестая	94
1	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Донской

Сотрудник отдела невидимок

Глава первая

1

Несмотря на поздний час, мало кто спал в болгарском городке Албена. Светились окна домишек, прилепившихся к горному склону, полыхали электричеством высотные отели на побережье, сияли витрины, переливались огни вывесок. По улицам гуляли нарядные курортники, излучавшие довольство и дружелюбие. Сладко пахло розами и парфюмерией, тянуло горьковатым дымком жаровен, обдавало соленой морской свежестью. И, конечно же, повсюду звучала музыка, чудесная музыка, заставляющая сердца биться в такт ностальгическим ритмам. В уличных кафе и ресторанах музыканты играли вживую, как встарь: на настоящих гитарах, барабанах и электроорганах, без обмана и фальши. Из одного конца Албены долетали звуки бессмертной «Yesterday», в другом краю самозабвенно пели «Love Me Tender», а меж-

ду ними вклинивалась щемящая мелодия «Lady Jane». Казалось, Пол Маккартни, покойный Элвис Пресли и Мик Джаггер соревнуются в мелодичности, стремясь превзойти друг друга, как в ту давнюю пору, когда все они были молоды, неотразимы и боготворимы.

Туристы из разных стран с удовольствием внимали музыке. Пока пожилые предавались лирическим воспоминаниям, молодые пары со снисходительной улыбкой посматривали на них, не веря, что однажды состарятся тоже. Те, кому не танцевалось и не сиделось за столиками кафе, чинно прохаживались по центральной улице, протянувшейся между горным хребтом и гладью моря.

Широкая полоса песчаного пляжа была пустынна. Ночью сюда забредали лишь самые романтические влюбленные, да и те стремились оставаться невидимыми, отыскивая затененные, укромные уголки, недоступные посторонним взорам. Как бы покровительствуя уединившимся парам, луна прикрылась облачной кисеей. Мириады ярких звезд были не в силах заменить ее своим далеким мерцанием. Музыкальные пассажи, смех, обрывки разговоров и гудки автомобилей, доносимые бризом, звучали тихо и ненавязчиво. Стоило приблизиться к морю, как цивилизация оставалась за границами восприятия, не желая вторгаться в отношения мужчин и женщин. Это обостряло чувства. Ночью каждый мог ощутить себя Адамом или Евой. Достаточно избавиться от одежды – и наслаждайся райской атмосферой. Вплоть до грехо-

падения.

Подумав об этом, Гюнтер Кауффман проглотил обильную слюну, постаравшись сделать это бесшумно. Ах, только бы не спугнуть Цветанку, только бы не спугнуть! Сбросив босоножки, она стояла по колено в море, обдумывая предложение искупаться. Гюнтер надеялся, что решение будет положительным, несмотря на то что он не удосужился снять обручальное кольцо. Целый день он водил девушку по магазинам, а вечером пригласил в кегельбан и угостил роскошным ужином из пяти блюд, так что теперь ждал вознаграждения за свои старания. Цветанка же не спешила порадовать своего сорокалетнего кавалера.

– Вода холодноватая, – капризно сказала она.

– Разве? – удивился Гюнтер. – А по-моему, в самый раз.

Ну что, окунемся?

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Почему?

– Потому что я без купальника, – ответила Цветанка.

«В том-то и дело, что без купальника, – подумал Гюнтер, глотая новую порцию слюны. – Иначе какой был смысл приводить тебя сюда?»

– Мы можем плавать в десяти метрах друг от друга, – предложил он голосом детсадовского воспитателя, убеждающего заупрямившегося ребенка. – На пляже темно и пусто. Не бойся.

– Вот именно, что темно и пусто, – пробормотала Цветан-

ка. – Как раз это меня и пугает. Вода черная, как деготь. А вдруг там кто-нибудь сидит и поджидает?

– Кто? – Гюнтер пренебрежительно расхохотался.

– Не знаю. Какое-нибудь чудовище.

– В Черном море не бывает чудовищ.

– Откуда ты знаешь?

– Общеизвестный факт, – с достоинством ответил Гюнтер. – Самые крупные обитатели здешних вод – дельфины. Они добрые и ласковые.

Цветанка улыбнулась. Худенькая, смуглая, черноволосая, она почти сливалась с ночным мраком. Зато ее белоснежные шорты и тенниска резко выделялись на черном фоне. Зубы у Цветанки тоже были белые. Гюнтеру показалось, что они сверкают, как флюоресцентные.

– Почти такие же добрые и ласковые, как я, – уточнил он.

– И такие же хитрые? – прищурилась Цветанка.

Судя по верхней одежде, белье она тоже носила белое. Скорее всего, одни только невесомые трусики на тонких тесемках, исчезающие между ягодицами. Такие держатся на бедрах едва-едва. Как в той известной сказке: «Дерни за веревочку, и дверь откроется».

Гюнтер осторожно сглотнул и состроил обиженную мину.

– В чем заключается моя хитрость? – спросил он.

– Ты специально привел меня на пляж, чтобы заманить купаться голышом.

Это было произнесено обличающим тоном. Теперь Гюн-

тер обиделся по-настоящему, как любой человек, услышавший о себе нелицеприятную правду.

– Жаль, что ты обо мне такого плохого мнения, – сказал он. – Очень жаль. По-моему, я не заслужил подобного отношения. Перед тобой находится цивилизованный европеец, а не какой-то там дикарь. Мы, немцы, придерживаемся высоких моральных принципов.

Звезды замигали в вышине, словно стремясь получше рассмотреть человека, произнесшего эту напыщенную тираду. Его потомки устраивали Крестовые походы, разжигали инквизиторские костры и сооружали лагеря смерти, а он как ни в чем не бывало взял да и сделался высокоморальным. Неужели такое возможно? Выходит, господь не напрасно населил Землю этими маленькими двуногими особями? Приятная неожиданность. Воодушевляющая.

Цветанка полюбовалась звездами, поболтала ногой в воде и решила, что пора нарушить затянувшееся молчание.

– Не сердись, – попросила она.

– Никто не сердится. – Гюнтер расстегнул пеструю рубашку с пальмами, снял и бросил ее на песок. – Я привык считаться с мнением других людей. Жаль, что не все они уважают мое мнение.

– Уважают, – сказала Цветанка.

– Кто, хотел бы я знать?

– Например, твоя жена. И не надо делать удивленные глаза. У тебя обручальное кольцо на пальце.

– Ах это... – Гюнтер посмотрел на свою волосатую руку с такой миной, словно она существовала отдельно от него. – Я и перстень ношу. – Он пошевелил пальцами. – Люблю украшения.

– Я тоже, – пробормотала Цветанка.

Намек? Ну нет, решил Гюнтер, дорогих подарков в виде авансов ты от меня не дождешься, хитрая девка. За удовольствия надо платить, но необязательно вперед.

Он скинул сандалии и сделал несколько энергичных приседаний, вытянув руки перед собой.

– Пойдешь плавать один? – недоверчиво поинтересовалась Цветанка.

– Почему нет? – Гюнтер занялся наклонами из стороны в сторону. – Ты ведь не хочешь составить мне компанию.

– Это неприлично.

– Плавать?

– Плавать без... – Цветанка сделала многозначительную паузу. – Плавать без ничего, совсем без ничего, – закончила она, выходя из моря.

– Что ж, никто тебя силком в воду не тащит. Подожди меня на берегу, а я все-таки окунусь. Такая духота сегодня. – Гюнтер демонстративно провел тыльной стороной ладони по лбу. – Уф-ф... Необходимо освежиться.

Он говорил по-немецки, но болгарская девушка отлично его понимала. Почти все жители курортного городка Албена владели иностранными языками, поскольку с детства привы-

кали общаться с туристами. Цветанка или Цветелена, как церемонно представилась она при знакомстве, работала в рецепции отеля «Звезда», а потому свободно изъяснялась на немецком, французском и русском языках.

Не являясь лингвистом, Гюнтер больше интересовался другими достоинствами спутницы. Например, ее аккуратной упругой попкой и острыми грудками, натягивающими ткань тенниски. «Private property» было написано на ней, что в переводе означало «Частная собственность». Гюнтер не возражал против такой формулировки. Частная так частная, собственность так собственность. Ведь он хотел вступить в права владения лишь временно. Долгосрочная аренда прелестей Цветелены не входила в его планы. Порезвиться с ней до утра – другое дело. Чтобы было чем похвастаться перед друзьями за кружкой пива на гамбургской Гроссе-Фрейхейт. Болгарских шлюх там не попадалось. Болгары только-только осваивались в Евросоюзе.

– Отвернись, пожалуйста, – попросил Гюнтер, прежде чем стащить шорты.

– Пожалуйста! – Передернув плечами, Цветанка отошла на несколько шагов и остановилась спиной к спутнику.

Это означало, что время и деньги потрачены даром. Вот что значит метать бисер перед свиньями. Раздражаясь все сильнее, Гюнтер избавился от одежды и направился в море, хотя, по правде говоря, терпеть не мог холодную воду. Не любил ее почти так же сильно, как холодных, неприступных женщин. Однако чем старше становился Гюнтер, тем больше

таковых появлялось вокруг. Если так пойдет дальше, то к его шестидесятилетию мир окажется заселенным одними только целомудренными девицами строгих правил. Родители в шутку называли Гюнтера «порождением лета любви и сексуальной революции», но шестидесятые годы давно отгремели, а новый век грозил аукнуться сексуальной контрреволюцией, будь она неладна.

– Не вода, а парное молоко! – крикнул Гюнтер, обернувшись. – Ты уверена, что не хочешь искупаться?

– Какое-какое молоко? – переспросила Цветанка. Все-таки ее словарный запас был скудноват.

– Теплое, – пояснил Гюнтер, с отвращением погружаясь по волосатые плечи.

«Доплыву до буйка – и сразу обратно, – решил он. – Неразумно оставлять вещи под присмотром малознакомой болгарской дикарки. Сегодня она стоит за стойкой отеля, а завтра исчезнет в неизвестном направлении. С кредитными карточками одного из своих постояльцев. Пусть это будет кто угодно, только не я».

Гюнтер обернулся в сторону берега и хлопнул глазами, словно это могло рассеять ночной мрак.

– Эй, Цветанка, ты где? – тревожно прокричал он. – Не соскучилась в одиночестве?

В ответ гробовое молчание. Лишь неразборчивый гомон доносится с набережной, да шелестит море, вылизывая песок до стеклянного блеска тысячами волнистых языков. И

еще голосит в отдалении неугомонный подражатель Тома Джонса, выводя бесконечное: «Лайла, лай, дилайла». Какого черта?

Разглядев смутное белое пятно на песке, Гюнтер перевел дух, болтая ногами, чтобы держаться на поверхности. Напрасно запаниковал. Никуда Цветанка не делась, сидит на пляже, сторожит одежду. Гюнтер уже намеревался вторично окликнуть ее, чтобы еще раз предложить искупаться, когда внезапное прикосновение к бедру заставило его захлебнуться.

– Гырл! – втянул он в себя воздух вперемешку с водой.

– Сюрприз, сюрприз! – звонко захохотала девушка, выныривая рядом. – Не ожидал? Здорово я тебя напугала?

– Ничуть, – фыркнул Гюнтер, стараясь не подавать виду, как сильно он перетрусил.

– Признайся, ты думал, что я осталась на берегу, – не унилась Цветанка.

– Я видел, как ты раздевалась и входила в воду.

– Этого не может быть!

– Я видел, – упрямо гнул свое Гюнтер, желая отквитаться за розыгрыш.

– Врешь! – с неожиданной яростью прошипела Цветанка.

Еще одно неосторожное слово – и она повернет обратно. Только последний идиот допустит это.

– Ты хорошо плаваешь, – сменил тему Гюнтер. – Лучше всех девушек, которых я знаю.

Цветанке понравилось услышанное.

– Я плаваю, как русалка, – подтвердила она, – а ныряю на тридцать метров в длину и на десять – в глубину. Меня один парень научил. Давно.

Какому сорокалетнему мужчине приятно слушать истории про парней своих молодых подружек?

– Я тоже неплохо плаваю, – заявил Гюнтер. – У меня собственный плавательный бассейн.

– Маленький, наверное, – предположила Цветанка.

Это прозвучало почти оскорбительно. Как будто девушка намекала на особенности анатомического строения своего кавалера.

– Стандартный, – возразил он. – Для разминок вполне достаточно.

– И часто ты разминаешься?

– Регулярно, – заверил ее Гюнтер, самодовольно усмехаясь.

– Давай наперегонки? – предложила Цветанка. Мокрые волосы облепили ее голову, как черный блестящий шлем, из-под которого задорно сверкали белки глаз.

Гюнтер подумал, что рискованно отдаляться от одежды, брошенной на пляже, но возбуждение от близости нагой девушки заставило забыть об осторожности. Он не мог видеть ее во весь рост и все же догадывался, что Цветанка плещется в воде без ничего... совсем без ничего, как она выразилась недавно. Так оно и есть. Не в мокрых же трусиках ей про-

должать прогулку. Следовательно, трусики остались на берегу, и теперь только от Гюнтера зависит, как долго пробудут они отдельно от своей хозяйки. Уж он постарается. Вложенные средства должны окупаться, иначе какой смысл тратить деньги и время?

– Вызов принят, давай устроим состязание, – согласился Гюнтер. – Но с одним условием.

– С каким? – поинтересовалась Цветанка.

О святая наивность! И это спрашивает девушка, плещущая рядом с мужчиной в чем мать родила?

Гюнтер усмехнулся.

– Проигравший выполняет желание победителя, – заявил он.

Откинув пряди мокрых волос, Цветанка посмотрела ему в глаза:

– Любое?

– Конечно, любое, – подтвердил Гюнтер, давно загадавший желание.

Против ожидания, Цветанка не воспротивилась.

– Плыдем вперед, пока один из нас не отстанет на десять метров, – азартно воскликнула она.

– Как же мы станем измерять метры?

Подобно большинству соотечественников, Гюнтер во всем любил точность. Цветанка свободно обходилась приблизительными цифрами.

– Определим на глаз, – сказала она, слегка задыхаясь от

необходимости находиться в постоянном движении.

– Как?

– Зрительно. – Два мокрых растопыренных пальца девушки указали на ее сверкающие глаза.

– Но каждый из нас видит и оценивает по-своему, – рассудительно заметил Гюнтер, пытаясь, как морж.

– Это плохо?

– Это нормально, но...

– Как-нибудь разберемся, – беспечно отмахнулась Цветанка.

Гюнтер машинально зажмурился, оберегая глаза от веера брызг, сорвавшихся с руки девушки.

– Условия весьма расплывчаты, – сказал он.

– Других не будет. Готов?

– Готов.

– На счет «три», – скомандовала Цветанка, разворачиваясь лицом к открытому морю. – Айн...

– Лучше бы нам плыть вдоль берега, – заколебался Гюнтер, подавленный величием беспросветной черной дали, в которой смешались небо и море.

Его реплика осталась без ответной реакции.

– Цвай, – продолжала отсчет Цветанка.

– Тут неглубоко, – сказал Гюнтер, – но все же не стоит пренебрегать элементарными правилами безопасности. Я...

– Драй! – крикнула девушка и, не слушая возражений, устремилась вперед, по-лягушачьи рассекая воду руками и

ногами.

«Брасс, – определил Гюнтер. – Разве возможно набрать хорошую скорость, плывя брассом?»

Заранее торжествуя победу, он устремился за Цветанкой, демонстрируя вполне профессиональный стиль. Немец плыл размашистым кролем, рассчитывая обойти болгарскую соперницу за несколько мощных гребков. Его руки мелькали, подобно лопастям водяной мельницы, взбивая пену, искрящуюся в свете звезд.

«Для начала возьму ее прямо на мелководье, – размышлял Гюнтер, – там, где ей придется заботиться не о соблюдении приличий, а о том, чтобы не захлебнуться. Прделаю это быстро и решительно – пусть знает свое место. А уж потом можно будет поощрительно потрепать Цветанку по щеке и отвести ее в отель, прихватив по дороге бутылочку доброго болгарского вина. Там будет другой секс: обстоятельный, неторопливый. Добыча никуда не денется. Победитель получает все».

Открыв глаза, Гюнтер с изумлением обнаружил, что Цветанка по-прежнему лидирует, опережая его на полметра. Ее необычный стиль сочетал в себе технику размеренного браса и неистового баттерфляя. Выпрыгивая из воды по плечи, девушка вновь погружалась с головой, не проявляя ни малейших признаков усталости. Молотящий руками по по-

верхности Гюнтер пока что не отставал, но и не добивался преимущества, хотя они преодолели добрую стометровку.

Охваченный желанием добиться своего во что бы то ни стало, немец ускорил темп. Он больше не наблюдал за Цветанкой, не смотрел по сторонам и тем более не оглядывался назад, позабыв обо всем на свете. Он не видел, как щуплый цыганский мальчишка аккуратно собрал оставленную на пляже одежду, уложил ее в пакет и помчался хвастаться удачей соплеменникам. Он не замечал, что постепенно обгоняет Цветанку, и не задумывался о том, как опасно выбиваться из сил вдали от берега. Он просто плыл. Его единственным желанием было получить вожаденный приз, а остальное не имело значения.

Звезды равнодушно следили за происходящим с небес. Их не увлекали банальные человеческие комедии и трагедии. Если они и знали, чем завершится сегодняшнее приключение Гюнтера Кауффмана и Цветелены Момчевой, то держали это при себе. Пусть забавляются своими глупыми играми. Что значит их судьба для мироздания? Однажды люди рождаются, однажды умирают, вот и все их предназначение, вне зависимости от морали, принципов, вероисповедания и прочей чепухи. Рождение и смерть. События, происходящие между этими двумя датами, слишком малозначительны и скоротечны, чтобы уделять им внимание.

Ничто не вечно под луной. Ничто не ново под небесами.

Соревнование завершилось убедительной победой Гюнтера, однако полукилометровый заплыв стоил ему больших усилий. Распластавшись на воде гигантской бледной медузой, он пропыхтел:

– Ты меня совсем измотала, но теперь мой черед.

– Хочешь еще поплавать наперегонки? – предположила Цветанка, притворяясь, что не поняла прозрачный намек.

Она тоже отдыхала на спине, колыхаясь на бескрайней морской колыбели. Ее черные волосы струились вокруг запрокинутого к небу лица, делая девушку похожей на изображения Медузы горгоны.

– Существуют другие способы доказать превосходство сильного пола над слабым, – пробормотал Гюнтер, безуспешно пытаясь определить размер девичьей груди.

– Мужчины не способны побеждать женщин, – самоуверенно заявила Цветанка.

– Вот как? Разве я тебя не обогнал?

– Чепуха. Я сама позволила тебе вырваться вперед.

Гюнтер едва не поперхнулся от такой наглости.

– Что ты сказала? – возмутился он, принимая вертикальную позу поплавка.

– Я сказала, что умышленно поддалась тебе, – невозмутимо пояснила Цветанка.

– А, понимаю. – Гюнтер повеселел. – Ты хочешь, чтобы инициатива исходила от меня, да? Чтобы я назвал желание?

– Оно было известно мне с первой секунды знакомства.

– И ты готова его исполнить? – заволновался Гюнтер, бес-
порядочно шевеля руками и ногами.

– Не сегодня, – заявила Цветанка, переворачиваясь со
спины на живот.

– Погоди. Но ведь мы условились!

– О чем?

– Как о чем? Проигравший выполняет желание победите-
ля. Любое.

– Я не отказываюсь, – хмыкнула Цветанка, медленно
уплывая в открытое море.

– Значит, сейчас мы обнимемся, и для начала ты меня по-
целуешь, а потом...

Гюнтер не успел договорить. Издевательский смех реза-
нул его по ушам.

– Непременно, – расхохоталась Цветанка. – Но не этой но-
чью. Мы ведь не устанавливали сроки, верно?

– Не понял.

– Раздача призов переносится на неопределенное буду-
щее.

– Это нечестно!

Казалось, вода вот-вот закипит вокруг распалившегося
Гюнтера. Цветанка опять засмеялась. Ей нравилось драз-
нить пожилых иностранцев, полагающих, что бедные бол-

гарские девушки готовы падать под них пачками, мечтая быть осчастливленными каким-нибудь конопатым берлинцем, носатым парижанином или плешивым москвичом. Подобные купания в потемках являлись для Цветанки своего рода компенсацией, средством для преодоления комплекса неполноценности.

Она специально подстраивала так, чтобы очутиться с очередным ухажером на ночном пляже. Почти каждый предлагал окунуться, и Цветанка, разыграв колебание, соглашалась. Днем она никогда бы не отважилась искупаться на глазах у посторонних. Ни в купальнике, ни без него. Ее грудь и живот были покрыты ужасными шрамами, при виде которых мужчины остолбеневали, едва скрывая отвращение. Последствия ожогов, полученных во время пожара. Дом Момчевых сгорел дотла. Заодно с надеждами на счастливое замужество. Сверстницы Цветанки носили короткие легкомысленные маечки и сережки в пупах, а она была вынуждена ходить в закрытых платьях, блузках, теннисках. И купаться со случайными знакомыми по ночам, украдкой, вместо того чтобы наслаждаться настоящей любовью на брачном ложе, как делают это все нормальные люди.

При мысли о собственном уродстве настроение Цветанки резко испортилось. Дополнительной причиной для нервозности служили месячные, уже заканчивающиеся, но все еще порождающие неприятные ощущения.

– Может быть, мы переспим с тобой на следующей неделе, – пообещала Цветанка Гюнтеру, отлично зная, что это невозможно. Ни на следующей неделе, ни в будущем году, ни с пожилым немцем, ни с кем-либо другим. Огонь отнял у девушки право на простое человеческое счастье. «Лучше бы я сгорела синим пламенем», – привычно подумала она.

– Но послезавтра я уезжаю, – буркнул Гюнтер, следуя параллельным курсом.

Цветанка сердито мотнула мокрой гривой волос:

– Твое дело. Я не навязываюсь.

– Хочешь, я дам тебе денег? – спросил Гюнтер после непродолжительной паузы.

– Прекрати! – прикрикнула Цветанка. – Я тебе не проститутка.

Она умышленно не спешила возвращаться на берег, где чувствовала себя не так уверенно, как в воде. Плавая, как рыба, Цветанка рассчитывала хорошенько измотать немца, чтобы, проделав обратный путь, он был способен лишь растянуться на песке, не мечтая ни о чем, кроме передышки.

Гюнтер начал понимать коварство этой тактики.

– погоди!

Он потянулся к Цветанке, как тянется капризный ребенок к игрушке. Она плеснула в него пригоршней воды:

– Отстань!

– погоди, ну погоди, – лихорадочно тараторил Гюнтер. – Хотя бы один поцелуй...

– Нет!

– А я говорю: да!

Попытавшись поймать Цветанку за плечо, Гюнтер получил локтем по носу, охнул и поспешно задрал голову, предотвращая кровотечение. При этом он двигал ногами, как будто крутил педали невидимого велосипеда, а руками имитировал движения отсутствующих крыльев. Ему было горько и обидно. Разве он заслужил такое обращение? И разве болгарка не принадлежит ему по праву? Что за дикий, некультурный народ! Варвары, настоящие варвары, без стыда и совести! Мало дед Гюнтера перестрелял славян во время войны, ох, мало!

Его гневные мысли были прерваны шумным всплеском, сопровождающимся пронзительным возгласом:

– А!

И тишина.

Опустив взгляд, Гюнтер обнаружил, что там, где только что плыла девушка, тяжело расходятся круги и ажурная пена. На мгновение из моря высунулась бледная пятерня с рас-

топыренными пальцами, но тут же исчезла, породив новую серию концентрических кругов на воде. «Хлюп!» – донеслось до ушей Гюнтера.

– Цветанка! – окликнул он. – Прекрати эти дурацкие шутки!

Девушка не появилась. Только водяной пузырь вздулся на том месте, где только что была рука. Да расплывчатая тень промелькнула у самой поверхности.

«Все дурачится, – сердито подумал Гюнтер. – Расквасила мне нос, а сама ныряет как ни в чем не бывало. Погнаться за ней? Нет, нельзя. Еще обвинят в сексуальном домогательстве и упрячут в тюрьму. От этих болгар можно чего угодно ожидать. Всего, кроме благодарности».

Внезапно ему стало не по себе. Он представил себе, как Цветанка, зловеще оскалившись, плавает вокруг него под водой, примеряясь, за какую ногу тяпнуть. А что, если не за ногу? А что, если у нее бешенство? Или она маньячка, привыкшая топить ни в чем не повинных иностранцев?

– Покажись, Цветанка! – крикнул Гюнтер почему-то не своим, а чужим, высоким бабьим голосом. – Выныривай, слышишь? Хватит изображать из себя русалку!

Ох-х... Прикосновение к бедру заставило его повернуться волчком вокруг оси. Чувствуя, как чужие руки ловят его за щиколотки, он бешено заработал ногами и ударил пяткой во что-то твердое. Не помогло. Его схватили и потащили вниз.

Глотнув солено-горькой воды, Гюнтер протестующе замы-

чал. Окутанный облаком пузырей, он снова лягнулся и пробкой выскочил на поверхность. Оказывается, подумал он, былой кавалер научил Цветанку не только плавать наперегонки, но и топить соперников. Идиотская манера заигрывать с солидными сорокалетними мужчинами! И кто только додумался пускать этих первобытных славян в цивилизованное европейское общество? Сидели бы в своих пещерах и молились усопшим коммунистическим вождям.

Отхаркиваясь, Гюнтер поплыл в сторону далеких электрических огней, расплывающихся перед залитыми водой глазами. Это было ошибкой. Сообразив, что огней чересчур мало, немец повернул обратно. Ему стало жутко. Только что он едва не поплыл на проблески в иллюминаторах какого-то корабля, приняв их за светящиеся окна домов на берегу. Это могло стоить Гюнтеру жизни, поскольку он начал выбиваться из сил. Пугало его также затянувшееся погружение Цветанки. Если эта дура утонула, то предстоят нелегкие объяснения с болгарской полицией.

Не утонула?!

Резкий рывок за лодыжку – и все повторилось сначала: ба-рахтанье, удушье, отчаяние, дрыганье свободной ногой. Но вырваться не удавалось. Теряя сознание, Гюнтер извернулся, нащупал чужую пятерню и принялся выкручивать ненавистные пальцы, отдирая их от себя, словно щупальца осьминога. Внезапная боль пронзила его собственную ладонь. Решив, что Цветанка тяпнула его зубами, он принялся на ощупь искать ее лицо, намереваясь ткнуть спятившую болгарку в глаза или хорошенько дернуть ее за волосы.

Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что имеет дело не с девушкой, а с человекоподобным существом, лицо которого твердое, гладкое и совершенно плоское, голова напоминает резиновый мяч, а мяч этот снабжен гибким гофрированным отростком, напоминающим хобот.

Аквалангист?

Догадка, промелькнувшая в голове, исчезла без следа во вспышке боли, пронзившей Гюнтера. Как только он взялся за шланг, по правому запястью полоснули чем-то острым. Саданув локтем в стеклянную маску, он поспешил вынырнуть и в панике заработал руками.

Левая ладонь горела, как в огне, разъедаемая соленой водой, а правая рука словно онемела, утратив чувствительность. Загребать ею как следует не удавалось, пальцы отчет-

го-то не встречали сопротивления воды, но Гюнтер не терял время на осмотр увечья.

– Спасите, – булькнул он, слабея с каждым движением. – Помогите!

Звезды плясали перед глазами, мешаясь со своими отражениями и береговыми огнями. Левая рука, несмотря на колотую рану, сохраняла подвижность, тогда как правая рука казалась омертвевшей, как после неудобного лежания на боку. Взмахивая ею все медленней, все тяжелее, Гюнтер испытывал странное безразличие, пришедшее на смену страху. Было жаль себя, одинокого и несчастного. Далеко же они заплыли с Цветанкой. Слишком далеко. Албена не приближалась, словно заколдованная. А море было бесконечным, ни конца ни краю.

– Помоги...

Захлебнувшись, Гюнтер ахнул и неуклюже попытался плыть задом наперед, в обратном направлении. Черная тень, устремившаяся немцу наперерез, легко настигла его, вынырнула по плечи, взмахнула блестящим клинком. Перед расширившимися от ужаса глазами Гюнтера выросла овальная маска, омываемая струями сбегаящей воды. Аквалангист ударил его ножом в шею, нырнул, вспорол беззащитный живот. Инстинктивно схватившись за рану под подбородком, Гюнтер понял, отчего было так трудно грести правой рукой. Она превратилась в обрубок, фонтанирующий кровью, такой же обжигающей, как та, что лилась из горла. Вода вокруг

стремительно нагревалась. «И впрямь как парное молоко», – тупо подумал Гюнтер, умирающий в пятистах метрах от берега.

Было слышно, как в уличных кафе продолжают веселиться и танцевать под музыку. Где-то хором затянули «Подмосковные вечера», где-то откликнулись мелодией «Путники в ночи», где-то надрывался гнусавый саксофон, а где-то пускали трескучие петарды. Беззаботная курортная жизнь продолжалась. Она шумела и бурлила совсем близко. Вот и все, сказал себе Гюнтер. Затерялся в ночи, как болгарская девушка Цветанка.

Мысли вспыхивали и гасли во мраке, подобно огненным цветкам далеких фейерверков. Пш-шт... плоф-фф!.. Пш-шт... плоф-фф!..

Плыть больше не получалось, держаться на поверхности – тоже. Гюнтера опять потащили вниз, но все, на что он оказался способен, это шепнуть прощальное:

– О, майн г-г...

Вода ворвалась в легкие, распирая грудь, выдавливая глаза из орбит. Гюнтер успел подумать, что в Черном море действительно водятся чудовища, однако не те, которыми пугают телезрителей и читателей бульварной прессы. Эти чудовища называются людьми. Одно из них увлекало немца в морскую пучину.

Звезды, оставшиеся по ту сторону прозрачной толщи воды, вспыхнули и остекленели перед выпученными глаза-

ми Гюнтера. Унося с собой их застывшее фотографическое изображение, он погрузился в непроглядный мрак, туда, где ему было суждено остаться навеки, прикованным к обрезку рельса.

Глава вторая

1

Солнце медленно наливалось жаром. На голубой морской глади сверкали и искрились яркие блики цвета расплавленного золота. Едва заметные волны неустанно полировали прибрежный песок, оставляя на нем затейливые узоры из стеблей водорослей. Где-то надоедливо ныла противоугонная система, напоминая гнусавый напев муэдзина. Единственная раздражающая деталь, мешающая наслаждаться утренним пейзажем.

Воспоминание о муэдзинах, минаретах и прочих прелестях Египта заставило поморщиться мужчину, вышедшего на пляж. Не так давно он вернулся из Каира и меньше всего стремился обратно. Можно сказать, что ему позволили насладиться отдыхом. Если не считать одного раздражающего обстоятельства: со дня на день мужчина ожидал прибытия связного, который выдаст ему инструкции. После этого каникулы резко сменятся трудовыми буднями. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Вот тебе, Юрьев, и бесплатная путевка за счет фирмы.

Фирма, в которой работал мужчина, называлась Служба внешней разведки, сокращенно – СВР. Это было постоянное

место его службы. Что касается фамилии, то она была временная. Что с того? Мужчине было безразлично, кем представляться, поскольку примерно с двадцатипятилетнего возраста он общался с людьми под вымышленными именами. Теперь было около сорока, и он начал забывать, как звали его в прошлом. Иногда чудилось, что вообще никак. Он был кем угодно – и никем.

Находясь в Каире, мужчина утверждал, что он – Максим Галатей, путешествуя по свету, кем только не представлялся, а теперь вот настало время побыть Иваном Игоревичем Юрьевым. Всего лишь до конца отпуска, плавно переходящего в работу.

Ее всегда хватало, сколько он помнил. А в последнее время начался настоящий аврал, усугубляемый отсутствием достаточного количества профессиональных кадров.

Мир стремительно менялся. Запад, поманивший доверчивых россиян образом «капитализма с человеческим лицом», внезапно перестал расточать обворожительные улыбки, а то и вовсе демонстрировал откровенный волчий оскал. Возобновление холодной войны, о которой поспешили объявить массмедиа, грозило перерасти в войну самую настоящую, жестокую, беспощадную и кровопролитную. Подогреваемые иностранцами «горячие точки» были подобны искрам, из которых однажды возгорится пламя. Что станет с планетой, охваченной пожаром Третьей мировой? Ни один политик, ни один ученый или аналитик не сулили челове-

ству шансов на выживание. Пожалуй, в третьем тысячелетии от Рождества Христова это была главная и единственная причина, препятствующая открытию полномасштабных боевых действий.

Зато на невидимом фронте сражения шли не прекращаясь, денно и нощно, во всех уголках земного шара, в воде и воздухе, в массовом сознании и на дипломатических приемах, в темных переулках и под хрустальными люстрами. В этой необъявленной войне, как в любви, все средства были хороши, и, кстати говоря, любовь являлась опаснейшим секретным оружием, а не божьей благодатью. Возможно, даже более разрушительным, чем ненависть.

Прочитав однажды знаменитый роман Оруэлла «1984», Юрьев поразился тому обстоятельству, как точно предугадал писатель путь, по которому станет развиваться так называемое цивилизованное общество. И речь в романе шла вовсе не про СССР, что ускользнуло от внимания западных цензоров. Оруэлл нарисовал мрачную утопию, пришедшую на смену демократии. И название пресловутого Министерства любви вполне подходило для Пентагона или Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки...

В сравнении с машиной ЦРУ СВР России не тянула даже на скромный министерский отдел. Когда Юрьев читал в «Таймс» или в «Комсомолке» статьи о вездесущей руке Москвы (всегда в перчатке, и непременно – в окровавлен-

ной), он только дивился дремучему невежеству авторов... или их бессовестной продажности. Бюджет российских разведчиков в сотни раз уступал американскому или британскому, а уж о размахе деятельности и говорить нечего. В представлении Юрьева СВР являлась чем-то вроде пистолета, из которого приходилось отстреливаться от пулеметов, пушек и бомбардировщиков.

Структура учреждения была довольно запутанна, но его штатное расписание было короче любого департамента ЦРУ. По направлениям деятельности СВР делилась на три основных подразделения: оперативное, аналитическое и функциональное. Юрьев принадлежал к числу оперативников, хотя руководство отдавало должное его аналитическим и интеллектуальным способностям. Плюс отличная физическая подготовка, знание полутора десятков языков, многолетний опыт работы, развитая интуиция, личное обаяние. Благодаря этим своим качествам Юрьев почти не вылезал из загранкомандировок. В полном соответствии с тезисами недавней речи российского президента, призывающего разведчиков «усиливать активность», «наращивать потенциал», «стоять на страже интересов» и «опережать противника на ход, а лучше на два».

Почему не на три? Не на десять?

Если бы за эти усиления, наращивания и опережения еще платили как следует, лениво подумал Юрьев и тут же велел себе прекратить хныкать. Уж кому-кому, а ему грех жа-

ловаться на судьбу. Мчится галопом по Европам, скачет по Азиям и Африкам, открывает для себя Америки. Чтобы сосчитать увиденные страны, не хватит всех пальцев на руках и ногах, а с городами вообще без карты и калькулятора не разберешься. Живал Юрьев в трущобах, но зато порой си-баритствовал и в пятизвездочных отелях. И кухни народов мира перепробовал, и багамский песочек таптывал, и за рулем «Бентли» сиживал... правда, чтобы в следующий момент юркнуть в крысиную нору лондонской подземки, а затем отлеживаться на матрасе в каком-нибудь конспиративном клоповнике, перебиваясь с хлеба на воду.

Так что болгарское захоlustьe – не худший вариант, подумал Юрьев, сидя на полотенце у самой кромки моря. А работа... Что работа? От нее, говорят, конидохнут, однако забывают добавлять при этом, что люди без работы чахнут и умирают. От тоски. Пусть даже в переносном смысле, а все равно безрадостная перспектива.

Со стороны казалось, что одинокий мужчина на пляже наслаждается покоем, блаженно шурясь на солнце. Это было верно лишь отчасти. Юрьев действительно радовался передышке, но полностью расслабляться себе не позволял, по привычке контролируя обстановку. Когда настанет время действовать, каждая деталь может оказаться важной, каждый пустяк. Разведчики часто горят на мелочах – прописная истина, известная каждому почитателю шпионских романов. Но умные разведчики используют мелочи в своих интересах.

Юрьев досконально изучил Албену, не только исходя из ее вдоль и поперек по улицам и аллеям, но и облазив все крутые тропы, исследовав все уголки парка. У него имелось наготове несколько маршрутов, подходящих для того, чтобы избавиться от слежки. Он знал, как незаметно покинуть бильярдную, где расположены запасные выходы из центральных отелей, куда скрыться в случае опасности и откуда неожиданно возникнуть при необходимости. А еще он незаметно изучал курортную публику, отмечая про себя тех, кто вольно или невольно оказывался рядом. Это было механическое, почти бездумное занятие. Своеобразная медитация, избавляющая от скуки человека, который дал себе зарок не смотреть телевизор и не читать газет, чтобы на время забыть о существовании большого мира с его большой и грязной политикой.

Рассеянно водя прутиком по песку, Юрьев вычерчивал причудливые вензеля, стирал их, начинал заново, а сам поглядывал на яхту, стоящую на якоре в паре километров от берега. Кому она принадлежит? Почему никуда не плывет, день за днем привлекая внимание Юрьева? Довольно странное времяпровождение для владельца и его пассажиров. Судя по размерам и очертаниям яхты, она стоит денег немалых. Хм, у богатых свои причуды, но на то они и богатые, чтобы даже в причудах оставаться рациональными.

Воткнув прутик в песок, Юрьев встал и пошел в воду.

Сложение у него было скорее полуспортивное, чем спортивное. Возможно, в молодости он занимался гимнастикой или плаванием, но никак не борьбой, не боксом и не тяжелой атлетикой. Если не считать курчавых зарослей на груди, то волосяной покров на теле был редкий, и не бугрились на нем мускулы, без которых немислим настоящий герой. Тем не менее женщины засматривались на Юрьева, когда в поле зрения не оказывалось объектов поплечистей, помоложе и понахрапистей.

Почему? Кто их разберет, женщин? Кто отгадает, чем может привлекать их мужчина средних лет, с невыразительным лицом и глазами неопределенного цвета. Может быть, он двигался как-то по-особенному. Может быть, в его взгляде присутствовало что-то притягательное. А может, дамам нравилась прическа Юрьева: тщательно зачесанные наверх и назад волосы, как у киноактеров прошлого века, когда муж-

чины ходили в отутюженных брюках, гладко брились, аккуратно стриглись и стеснялись хлебать пиво на ходу.

Странные нравы, наивная публика. Что ж, у каждой эры свои химеры, и хорошо, если они не страшны, а забавны.

Плавая, Юрьев всегда держал глаза открытыми, а выходя на берег, любил повалиться с зажмуренными глазами. Это позволяло ему не видеть окружающих, в особенности вездесущих пышных матрон, взявших моду загорать топлес. Смотреть на них было не слишком приятно. Не только из-за их рыхлых форм и обилия складок. Стоило случайно повернуться в сторону такой перезрелой красотишки, как она спешила принять картинную позу, а ее супруг начинал подозрительно коситься на Юрьева. Мужья не любят одиноких бездельников, ошивающихся поблизости. Вместо того чтобы обрядить жен в нормальные купальники, они нервничают, ревнуют и отравляют себя ядом желчи.

Дабы не будоражить общественность понапрасну, Юрьев завел привычку являться на пляж с первыми лучами солнца, пока гости Албены видели десятки, самые сладкие утренние сны. Приходя к морю задолго до завтрака, он успевал как следует размяться и обзавестись поистине зверским аппетитом.

Чем-то это напоминало молодость, когда Юрьев был физически силен, морально устойчив и готов к любым подвигам во славу отечества. Если бы ему приказали свернуть горы, он взялся бы за эту задачу без колебаний. С годами сил поубавилось, пыл уменьшился, будущее перестало видеться

в радужном ореоле, а вера в идеалы сменилась сарказмом. Иногда он чувствовал себя постаревшим мушкетером, только без верных боевых товарищей. Двадцать лет спустя – это совсем не то, что двадцать лет назад. Когда Юрьев уяснил для себя, насколько подла и продажна любая политическая система, он утратил смысл жизни, ощутил себя преданным, брошенным, никому не нужным.

Года три назад он даже написал прошение об отставке, но, проведя всю ночь из угла в угол своей квартиры, порвал рапорт, привел себя в порядок и как ни в чем не бывало отправился на службу. Без нее Юрьеву и жить становилось незачем. Ему постоянно требовалась труднодостижимая цель, риск, испытания, опасности. Существование на грани позволяло чувствовать себя востребованным и не испытывать угрызений совести за бездельничанье на пляже.

Ему нравилось купаться и загорать в одиночестве. Уборщики еще копошились где-нибудь в отдалении, спасатели и аттракционщики только-только заволакивали в воду свои катера и скутеры, а Юрьев уже покидал пляж, получив прекрасный заряд бодрости.

Так должно было произойти и сегодня. Заплыв далеко в море, он нырнул поглубже и устремился навстречу солнцу. Извиваясь над песчаным дном, Юрьев напоминал себе летающего персонажа какой-то фантастической повести. Прозрачная, как воздух, вода усиливала иллюзию полета. Ощущение было сказочное, словно в детском сне, когда без вся-

кого усилия отрываешься от земли и паришь над ней, то взмывая вверх, то снижаясь, чтобы рассмотреть какие-то детали.

Перед глазами Юрьева проплывали размытые изображения ракушек, камней и водорослей. Они виделись не слишком отчетливо, но зато очень ярко, как на экране старенького кинотеатра, когда, прокручивая цветную пленку, кинемеханик забывает навести резкость, за что публика освистывает его и клянет последними словами. В данном случае единственный зритель помалкивал, да и изображение было немым. До тех пор, пока Юрьев не осознал, что является персонажем мутного фильма ужасов.

Издав под водой сдавленное мычание, он поплававком выпрыгнул на поверхность и шумно зафыркал, отплевываясь от едкой воды, попавшей в носоглотку.

На берегу все оставалось по-прежнему. Вдоль линии моря медленно полз миниатюрный игрушечный трактор, волочащий за собой сеть с пустыми бутылками, пакетами, окурками и прочим мусором, оставшимся на пляже со вчерашнего вечера. Мускулистые, загорелые дочерна парни расставляли лежаки и раскрывали пестрые паруса тентов. Из желто-синего шатра выносились надувные бананы, парашюты и водные лыжи. Тишь, гладь да божья благодать. Даже не верится, что в нескольких десятках метров от мирного берега можно обнаружить кошмарные находки, от которых к горлу подступает тошнотворный ком, а волосы торчат дыбом.

Бред? Временное помрачение рассудка? Галлюцинация? В таком случае крайне тошнотворная галлюцинация.

Сплюнув в сторону, Юрьев вспомнил деревню, куда частенько ездил во время школьных каникул. Перед Новым годом дедушка, бабушка и многочисленная родня непременно запасались холодцом, именуемым деревенским народом «холодное». Поедалось кушанье с хреном или горчицей, непременно под самогон, а готовилось оно из говяжьих и свиных ног, или «булдыжек». Желтые, пупырчатые, окостеневшие, они лежали в сенях навалом, словно поленья. Маленький Юрьев не мог смотреть на них без отвращения, и теперь, много лет спустя, испытал аналогичную тошноту.

Двигая руками осторожно и плавно, чтобы не делать волн, мешающих обзору, он посмотрел вниз. Сомнений не оставалось. Внизу, на трехметровой глубине, покоилась человеческая рука, косо отсеченная по линии запястья. Пятерня, несомненно, принадлежала взрослому мужчине плотного сложения. Масти он был рыжеватой и, как показалось Юрьеву при ближайшем рассмотрении, отличался обилием веснушек. Если...

Если это не были брызги крови.

Вздор, сказал себе Юрьев, снова погружаясь на глубину. Вода смывает кровь. И следы она тоже смывает.

Зависнув вниз головой, он сделал несколько расчетливых гребков, чтобы приблизиться к находке, не подняв тучи песка. Ладонь никуда не делась. Она действительно лежала на

дне тыльной стороной вверх. Рядом суетились два маленьких юрких краба, терзающих лохмотья кожи. Судя по характеру повреждения, рука была не оторвана и не отпилена, а отсечена каким-то острым предметом. Вряд ли это был топор, сабля, турецкий ятаган или японский меч катана.

Вынырнув, Юрьев почти не сомневался, что руки неизвестный лишился в отчаянной схватке с противником, вооруженным ножом. Он даже нож себе приблизительно представлял. Широкий прямой клинок с плавно изогнутым острием – безотказное, бесшумное оружие подводного пловца. Не тот псевдоармейский нож, который преподносится рекламой как «идеальное холодное оружие, прошедшее сертификацию для элитных частей специального секретного десантно-штурмового суперподразделения суперморских суперкотиков». Нет. Какой-нибудь стандартный «кабар» из арсенала морских пехотинцев США, применявшийся еще во время Второй мировой войны и снискавший себе такую же грозную славу, как автомат Калашникова. Узкая, тщательно заточенная полоска нержавеющей стали, способная перерубить толстый сук и человеческую кость.

С одинаковой легкостью.

С профессиональным мастерством.

Но откуда взяться диверсантам на болгарском курорте? Повернувшись в сторону яхты, Юрьев не заметил ничего похожего на радары, пулеметы или зенитки. Обычное прогулочное судно с компашками людей на палубе. Они не собра-

лись вдоль борта, наблюдая за человеком, заплывшим далеко в море. Хотя все может быть.

Отдышавшись, Юрьев набрал полную грудь воздуха и нырнул в третий раз, подавляя позывы к рвоте. Пришлось приблизить лицо к страшной находке почти вплотную, чтобы рассмотреть детали. Зачем? Юрьев не сумел бы ответить на этот вопрос. Пары секунд хватило, чтобы увидеть на мертвых пальцах золотой перстень и золотое же кольцо – обручальное.

Юрьев поспешил на поверхность и, улегшись на спину, погреб к берегу. Небо вверху было синее, яркое. Не верилось, что под этим небом могут происходить столь дикие, столь страшные вещи. Это не укладывалось в голове. Не поддавалось логическому осмыслению. Не вписывалось в общую картину светлого, солнечного утра.

Но, к своему несчастью или счастью, Юрьев отлично знал, как обманчив окружающий мир, каким хрупким и ненадежным бывает он на самом деле. А еще он знал, что жуткая находка и будущее задание каким-то образом взаимосвязаны. Одним словом, отдых закончился.

Доплыв до берега, Юрьев с трудом добрал до своих вещей, плюхнулся на полотенце и подпер подбородок кулаком, не отдавая себе отчета, что копирует классическую позу «Мыслителя» Родена.

«Что же это получается? – спрашивал он себя. – Жил-был крупный рыжий мужчина, которому ни с того ни с сего вдруг взяли и оттяпали руку. Или – за дело. Заманили в море и...»

Юрьев раздраженно почесал переносицу. Нет, конечно же, никто мужчину в море не заманивал, потому что искалечить его можно было на берегу. Либо на лодке. Либо...

Юрьев посмотрел в сторону яхты, почти неразличимой в сверкании солнечных бликов. Если до сих пор она вызывала недоумение, то теперь словно излучала угрозу. Или у Юрьева разыгрался приступ паранойи, профессиональной болезни всех разведчиков? Он ожесточенно помотал головой, разгоняя мрачные мысли, и уткнулся лбом в поднятые колени.

– Плохо? – участливо спросил мужской голос.

Юрьев поднял глаза и увидел перед собой пожилого болгарина, заправляющего пляжным аттракционом и спасательной службой. Молодые подчиненные звали его Папá, с ударением на последнем слоге, на французский манер. На его плече была вытатуирована Эйфелева башня, он никогда не расставался с зеркальными солнцезащитными очками и мо-

бильным телефоном, прицепленным к плавкам. Как большинство жителей Албены, он прекрасно говорил по-русски, хотя обожал вворачивать словечки иностранного происхождения, звучащие в его произношении как «абсолютно», «глобаль», «эффектив», «колоссаль».

Выигрывая время, Юрьев встал, проделав это с несвойственной ему медлительностью.

Сообщить болгарину о страшной находке? Попросить вызвать полицию? Но каковы будут последствия? Не исключено, что конечность несчастного давно унесло прибрежным течением, и тогда «руссо туристо» Иван Юрьев предстанет перед албенскими полицейскими полным идиотом. В лучшем случае предположат, что он перегрелся на солнце или перепил анисовой водки. В худшем – сообщат об инциденте российскому консулу и порекомендуют определить Юрьева в психиатрическую лечебницу. Если же ему все-таки поверят и чудом обнаружат улику, то Юрьеву придется давать свидетельские показания, подписывать протоколы и заполнять анкеты, а он не имел права привлекать к себе повышенное внимание блюстителей порядка. Общение с ними чревато срывом встречи со связным. Рассказывать потом начальству про руку на дне. Проваленная операция может стоить карьеры, а переквалифицироваться в дворники Юрьев готов не был. При одной мысли об отставке у Юрьева возникло чувство, напоминающее изжогу. Моральную.

– Плохо, – подтвердил он, вымученно улыбаясь.

– Алкоголь синдром? – нахмурился Папá.

Ах, если бы причиной было банальное похмелье!

– Да, – соврал Юрьев. – Небольшой перебор вчера случился.

– Не рекомендуется делать миксы.

– Гм, миксы?

– Смеси, – подобрал синоним Папá. – Кто не мешает с пивом мастику или ракию, у того голова болеть не будет.

«Будет, – мысленно возразил Юрьев. – Она уже болит, голова. Раскалывается от тревожных мыслей».

Мимо прошла супружеская пара преклонного возраста. Немцы, как определил Юрьев, были обряжены в пестрые одежды и весили вместе центнера два. Толстенные, порозовевшие от солнца, с тяжело колыхающимися телесами и кривыми ножками, они походили на мультяшных слонов или бегемотов. Но забавными они Юрьеву не показались. Он бессознательно взглянул на руку немца, прикидывая, какую силу и точность необходимо приложить для того, чтобы отсечь ее одним ударом. К горлу подкатил ком. Юрьев провел ладонью по глазам, прогоняя видение, подброшенное мысленным взором.

– Давно хотел спросить вас, – сказал он, вставая, – в здешних водах водятся хищные рыбы?

– Как же иначе? – удивился Папá.

– И чем они питаются? Кем? – поправился Юрьев.

– О, корма хватает. Все кого-нибудь кушают. Так устроен

мир. Глобаль аппетит.

Вот уж действительно. Вместо того чтобы корпеть над заумными манускриптами, философам следовало бы спрашивать о смысле жизни у простых людей.

– Акулы? – предположил Юрьев.

– Есть и акулы, есть, – подтвердил Папá с такой гордостью, словно лично сотворил их и запустил в море.

Глядя на него, трудно было удержаться от улыбки, но Юрьев удержался. Он опасался, что его улыбка будет воспринята как страдальческий оскал.

– На людей нападают? – спросил он.

Папá расхохотался, качая головой:

– Черноморские акулы, или катраны, как их иногда называют, маленькие, размером с собаку. – Он развел руки в классическом жесте рыбака. – Нет причин для фобии. Скверная водка, смешанная с пивом, – вот что по-настоящему опасно для жизни. Убийственная, ха-ха, смесь.

По привычке Юрьев проанализировал смех, делая это автоматически, как компьютер, настроенный на определенную программу. Когда в хохоте преобладает буква «у», и человек, собственно говоря, «хухучет», а не хохочет, это означает, что он робеет или скрывает страх. Хихиканье скрывает в себе скрытность, злорадство и хитрость. Смех, который можно описать как «хе-хе», говорит о дерзости или завистливости собеседника, а «хо-хо» означает хвастливость, неискренность и высокомерие. Папá смеялся искренне и откры-

то, хотя поддержать его Юрьев не сумел.

— Один знакомый, — сказал он, — утверждает, что в Черном море есть рыбы, способные отхватить человеку руку.

— Не имею таких сведений, — пожал плечами Папá. — Хотя всякое бывает.

Юрьев решил закрыть тему. Про акул он спросил по привычке не отбрасывать ни одну из возможных версий, пока окончательно не убедится в ее несостоятельности. На мужской руке, не дававшей ему покоя, отсутствовали следы зубов.

Юрьев кивнул в сторону яхты:

— Кто владелец?

Тени на лице болгарина словно потемнели, сделавшись черными и контрастными.

— Не знаю, — произнес он.

— Чем можно заниматься на яхте, стоящей на якоре вдали от берега? Пассажиры приплывают в Албену?

— Не знаю, — повторил Папá.

— Что ж, спасибо за информацию, — сказал Юрьев, свертывая полотенце. — До свиданья. Пойду, пожалуй, перекушу.

— Непременно покушайте горячего, — посоветовал Папá.

— Да, да, — рассеянно кивнул Юрьев.

Перед его мысленным взором возникла пятерня, лежащая на песке. Вряд ли в глотку полезет хоть горячее, хоть холодное. Не этим утром. Не при столь свежих впечатлениях.

— И не вздумайте похмеляться с утра, по русскому обы-

чаю, – погрозил пальцем Папá, после чего стало ясно, почему он получил свое уважительное прозвище.

– Есть другие обычаи? – съехидничал Юрьев.

– Непременно, – с достоинством ответил Папá.

– Разве болгары похмеляются?

– Случается. Даже мне иногда приходится.

– Неужели?

– Я человек, следовательно, ничто человеческое мне не чуждо.

Если бы Карл Маркс, чье высказывание было процитировано, услышал непередаваемую интонацию Папá, он перевернулся бы в гробу от зависти.

– Ни за что бы не подумал, – заметил Юрьев.

– Тем не менее это так, – сказал болгарин. – Положитесь на мой опыт. Слушайте рецепт. Одна бутылка ледяного пива, плотный завтрак и крепкий сон – вот что возвратит вас к жизни.

«Меня – да, – мысленно согласился Юрьев. – Но не того бедолагу, которому безжалостно оттяпали руку. Готов спорить на что угодно: он тоже покоится на дне морском».

– Спасибо, – произнес он.

– На здоровье, – улыбнулся Папá.

– Еще один вопрос, – улыбнулся в ответ Юрьев.

– Да?

Во взгляде болгарина появилось отсутствующее выражение. Он явно не желал возвращаться к разговору о яхте.

Юрьев тоже не собирался этого делать. Он был не из тех людей, которые готовы биться в стену лбом. Жизнь научила его искать обходные пути.

– Я слышал ночью какой-то шум, – сказал он.

Папá осторожно произнес:

– Я – тоже. Летом у нас всегда шумновато. Нон-стоп музыка.

– Не музыка, – возразил Юрьев.

– О чем тогда?

– Крики.

– Крики?

– Да. И полицейская сирена. – Юрьев притворился озабоченным. – Мне показалось, что случилось какое-то преступление.

– Криминал? – встревожился Папá.

Учитывая вялотекущую преступную жизнь Болгарии, этому не приходилось удивляться.

– Это происходило где-то рядом. – Юрьев провел перед собой рукой, охватывая жестом ближайший сектор пляжа. – Не подскажите, что здесь произошло? Кого-то ранили? Убили?

– В Албене? – Болгарин огляделся по сторонам, как бы ища взглядом, кого привлечь в свидетели столь странным речам.

Предположение явно показалось ему невероятным. Осторожно, мягко, чтобы не повергнуть его в шок, Юрьев под-

твердил:

– В Албене. Если не ошибаюсь, кому-то повредили конечность.

– Простите?

– Руку. Насколько я понял, один из дравшихся был вооружен ножом.

– Ничего не знаю об этом, – насупился Папá. – Абсолютно.

– Несчастный так вопил от боли...

– Я дал неправильный рецепт. – Болгарин смерил Юрьева оценивающим взглядом и щелкнул языком. – Одна бутылка пива не поможет. Выпейте две. И постарайтесь пробыть в постели как можно дольше.

– Э-э... спасибо.

Благодарить болгарина вроде было не за что, но других фраз не нашлось. Это была та самая ситуация, про которую принято говорить: «Нет слов». Отвесив прощальный полупоклон, Юрьев отправился восвояси.

Глава третья

1

Приближаясь к отелю, Юрьев посмотрел на часы. До завтрака оставалось тридцать минут. Потратить это время на принятие душа? Рассказать о страшной находке администратору? Обратиться в полицию? Оповестить свое руководство? Или хорошенько обдумать ситуацию, не поднимая шума?

Отдав предпочтение последнему варианту, Иван зашел в ближайшее помещение интернет-клуба и занял место перед компьютером.

Как и следовало ожидать, никаких сведений об акулах-людоедах, обитающих в Черном море, во Всемирной сети не было. Тем не менее Иван не поленился просмотреть странички, посвященные катранам, именуемым также морскими собаками или колючими акулами. Последнее прозвище родилось из-за длинного хвостового шипа-стилета, покрытого ядовитой слизью и оставляющего долго не заживающие раны. Что касается собачьих повадок, то на них обратили внимание рыболовы, неводы которых регулярно запутываются, рвутся в клочья и опустошаются прожорливыми, неуловимыми бестиями.

Достигая в длину полутора метров, катраны напомина-

ют издали осетров, однако при ближайшем рассмотрении их хищную натуру выдают острые зубы, конусообразные рыла, свирепые глаза, вертикальные жаберные щели и длинные спинные плавники, скошенные назад. Являясь грозой для ставриды, хамсы, сельди и сардин, черноморские катраны не представляют опасности для человека. Наоборот. Люди азартно охотятся на декоративных акул, вытапливая из их печени рыбий жир, приготавливая из них фальшивый «осетровый» балык, используя их жесткую кожу для полировки дерева и мрамора.

Прочитав все это, Иван собирался уже отключиться от Интернета, когда на глаза ему попала любопытная заметка о повадках черноморских акул. Заканчивалась она абзацами следующего содержания:

Учитывая вышеизложенное, рекомендуем пловцам и купальщикам не паниковать при столкновении с катранами. Они никогда не атакуют человека и сами стремятся избежать подобных контактов. Точно так же ведут себя мелкие метровые кошачьи акулы, заплывающие в черноморскую акваторию из Мраморного моря и Босфора. «Кошачьими» окрестили их за хитрость, грациозность и яркую пятнистую окраску. Проплывая мимо людей, они даже не смотрят в их сторону, не проявляя ни малейших признаков агрессии. Бывали, правда, случаи, когда эти «кошки» кусали неосторожных пловцов, однако самое опасное увечье, нанесенное ими, это откушенный человеческий

палец. Что, согласитесь, тоже не очень-то приятно...

Согласен, подумал Юрьев, открывая свой электронный почтовый ящик. Как обычно, он был полон, чтобы запутать тех, кто мог взломать код и произвести несанкционированную выборку корреспонденции. Отправляя Юрьеву сообщения, коллеги сопровождали их десятками образчиков рекламного и словесного мусора. Так называемый спам. Предложения купить акции, похудеть или провести незабываемую ночь со страстной красавицей, которая мечтает о любви... но и о деньгах мечтает тоже.

В этом месяце реальные сообщения отправлялись ровно в семь утра по московскому времени, так что выбрать нужное не составляло труда. Открыв письмо, Юрьев отбросил все вставленные в текст цифры, географические названия, имена, латинские буквы и прочитал:

Ещвфн...Фдд нщг туув шы дщму.

Короткое сообщение занимало примерно четверть общего объема текста, и выудить его непосвященному было крайне сложно. Напечатанное кириллицей, оно на самом деле было составлено на английском языке. В целях маскировки клавиатура отправителя работала в русском режиме, а буквы набирались английские. Сверяясь с клавишами, на которых в Болгарии, как и в России, проставляются две буквы, Юрьев расшифровал сообщение:

Today'All you need is love.

Переводилось это как: «Сегодня... Все, что тебе нужно, это любовь», но в данном случае переводу подлежало только первое слово. Юрьева извещали о том, что *сегодня* его посетит человек, уполномоченный ввести его в курс дела. Фраза про любовь являлась названием старого хита. Кто-то из специалистов по вербальной конспирации управления СВР явно испытывал ностальгию по шестидесятым годам прошлого столетия. По его прихоти, Юрьеву пришлось вызубрить тексты трех английских песен: «All You Need Is Love», «Satisfaction» и «Pretty Woman». Строки из них служили в качестве паролей и отзывов. Оставалось только радоваться тому, что в шифровальном отделе не засел какой-нибудь ценитель японских трехстиший или древнегреческих трагедий.

Мысль родилась и умерла, не оставив следа в мозгу Юрьева, сосредоточившегося на подписи, стоящей под письмом.

Седой!

На самом деле это был не псевдоним автора сообщения, а условная кличка объекта, с которым предстояло *работать*. В Службе внешней разведки существовала целая категория лиц, настоящие фамилии которых фигурировали лишь в официальных документах, подлежащих обнародованию. В бумагах для служебного пользования такие известные персонажи, как Березовский, Горбачев, Киселев или Саакашвили, выступали под оперативными прозвищами. При этом олигархи, оседлые и беглые, классифицировались по роду дея-

тельности, например: Акционер, Фармацевт, Нефтяник, Рыболов, Металлист. Клички политиков были производными от их отчеств, и если речь заходила о Серее, то подразумевался, скажем, Михаил Сергеевич. Что касается террористов, то их, не мудрствуя лукаво, награждали всякими уголовными «погонялами»: Мокряк, Туз, Псих, Ворон. И значился в этой теплой компании некто Седой.

Ахмед Казаев, уроженец Казахстана, чеченец по национальности, до сих пор представлявший на Западе «чрезвычайным уполномоченным представителем президента Масхадова». В США, Британии, Дании и Польше отчего-то не спрашивали у Казаева верительных грамот и не пытались выяснить, действительно ли президентом республики Ичкерия является Масхадов. Просто жали Седому руку, одаривали улыбками, давали деньги и политическое убежище. Деньги – ладно: в России давно свыклись с мыслью, что все ее враги по странному стечению обстоятельств ходят в друзьях у демократических лидеров планеты. Но обмениваться рукопожатиями с полевым командиром бригады особого назначения чеченских боевиков, по прямым приказам которого пролились потоки крови? Улыбаться преступнику, организовавшему захват заложников на Дубровке? Фотографироваться в обнимку с человеком, провозгласившим события 1 сентября в Беслане актом справедливого возмездия?

Когда после длительных бюрократических проволочек Казаеву было предъявлено обвинение в совершении пятна-

дцати (!) тяжких преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, тот стараниями одной из общественных организаций улизнул в Данию, объявил себя жертвой политического произвола и, как следует не смыв с лица боевую раскраску, а с пальцев – пороховую гарь, перелетел в Лондон, где за считанные минуты получил британское гражданство. Как же: политический беженец! А то, что политический беженец собственноручно расстрелял патриархов Грозненской православной церкви, так это недоразумение. То, что под его началом убивала, насиловала и грабила полуторатысячная банда головорезов, так это было давно и неправда. И жертвы «Норд-Оста» – выдумки. И погибшие бесланские школьники – фикция.

Седой... Почему не Кровавый? Бессмысленный вопрос. Ответ на него тоже не имеет смысла, так что и мозги сушить незачем.

Бросив рассеянный взгляд на часы, Юрьев прислушался к своим ощущениям. Аппетит отсутствовал, завтракать не хотелось. Не тянуло также ни гулять, ни валяться на кровати с детективом. Хотелось немедленно забить тревогу. Каким-то образом интуиция увязывала воедино утреннюю находку на дне, подозрительную яхту и будущее задание.

«Поскольку оно связано с Казаевым, – размышлял Юрьев, – то, по неизвестным мне причинам, он находится в Болгарии. Не стопроцентная вероятность, но очень большая. И, полагаю, проверить свою догадку я могу, не отходя от компьютера».

Прежде чем ввести фамилию в поисковое окошко «Google», Юрьев на всякий случай окинул взглядом немногочисленных посетителей интернет-клуба. Ничего и никого подозрительного. У входа расстреливал виртуальных злодеев малец интернациональной наружности, весь из себя продвинуто-глобализованный, от кончиков отбеленных волос до сандалий, обутых не на босу ногу, а поверх носков. В углу засела чернявая толстуха, то ли гадающая на картах Таро, то ли раскладывающая пасьянс. Хозяин заведения застыл перед своим монитором, бесстрастный, как Будда, готовый погрузиться в нирвану.

Юрьев набрал на клавиатуре имя и фамилию Ахмеда Ка-

заева, открыл несколько электронных страниц с последними новостями, прочитал первый абзац и едва удержался от желания присвистнуть. Сведения, выуженные из бездонных недр Интернета, оказались прелюбопытнейшими.

Пока Юрьев работал в Каире, а потом бездельничал в Албене, на Британских островах произошли важные события. Несколько английских журналистов, словно сговорившись (возможно, не без материального поощрения российскими спецслужбами), принялись дружно сливать в прессу компромат на обосновавшегося в Лондоне Казаева. Будь это разоблачение его террористической деятельности на прежней родине, жители туманного Альбиона и бровью бы не повели, но журналисты докопались до связей чеченца с лондонскими мусульманскими общинами экстремального толка, и началось!

Мы пригтели на своей либеральной груди международно-го террориста! Негодующая демократическая общественность требует выдворить из страны человека, подозреваемого в причастности к взрывам в лондонском метро!

Журналисты (опять же не без подсказки ФСБ) получили неопровержимые доказательства того, что отравление полонием Лугового было совершено чуть ли не в присутствии Казаева. Одновременно всплыли факты его тесного сотрудничества с британской разведкой и господином Березовским. Одним словом, тайное стало не просто явным – оно получалось настолько неприглядным и шокирующим, что грозило

Британии политическим кризисом.

Спецслужбы, взявшие под крыло Казаева и его теплую компанию, спешно открестились от этой публики. В Верховном суде Лондона началось слушание дела по экстрадиции лидера чеченских сепаратистов. Судья Тимоти Лэйзи-мен заявил на брифинге, что выдворение Казаева в Россию будет «если не справедливым, то предусмотрительным шагом». Забывчивые власти неожиданно «вспомнили», что он вот уже несколько лет числится в международном розыске с санкцией на арест. Под улюлюканье массмедиа Казаев был действительно арестован, но тут вмешались его адвокаты, предъявившие медицинские справки о подверженности подзащитного припадкам эпилепсии. Самый гуманный суд в мире отпустил Казаева на свободу под залог в 500 тысяч фунтов стерлингов.

Генеральная прокуратура России высказала недоумение по поводу такой лояльности по отношению к террористу и направила в Лондон делегацию, располагающую дополнительными материалами о преступлениях Казаева. Глава делегации созвал иностранных журналистов на пресс-конференцию, где заявил: «В ближайшее время, по договоренности с генпрокурором Англии и Уэльса, мы проанализируем все уголовные дела, по которым были отказы от экстрадиции ряда обвиняемых и преступников. Мы постараемся восполнить существующий пробел и использовать механизм международно-правового сотрудничества, в том числе с уче-

том национального законодательства Великобритании». Посол России в Лондоне выразил уверенность, что британская сторона пересмотрит свое отношение к вопросу о выдаче эмиссара чеченских сепаратистов. Министерство юстиции пришло к заключению, что требование России о его экстрадиции вписывается в нормы Европейской конвенции.

Не дожидаясь результатов англо-русского сотрудничества, Казаев бросил все свое движимое и недвижимое имущество, нажитое непосильными трудами, и бежал в неизвестном направлении. Впрочем, неизвестном лишь широкой публике. Судя по зашифрованной депеше, полученной Юрьевым, Седой скрывался где-то рядом.

«Почему Болгария, а не какая-нибудь другая страна? – спросил себя Юрьев и незамедлительно себе ответил: – Да потому, что, несмотря на прописку в Евросоюзе, София не превратилась чудесным образом в Париж, Брюссель или Вену, а покупать должностных лиц в Болгарии значительно проще и дешевле, чем в Германии или Швейцарии. Казаев решил отсидеться на задворках Европы, ожидая, чем закончится процесс об экстрадиции. Если суд его оправдает, он героем возвратится в Лондон, где примется клеймить позором кремлевских прихвостней. Если же Британия сдаст его России, то у него будут открыты пути отступления в Турцию, Грузию, Молдавию, Украину. Например, через Черное море, которое, между прочим, соединяется со Средиземным. На корабле».

Перед мысленным взором Юрьева всплыло лицо Папá, замкнувшегося, как только речь зашла о яхте. Испытывая знакомый охотничий азарт, он встал, расплатился за пользование Интернетом и вышел на улицу. Отрубленная мужская рука представлялась ему лишним подтверждением присутствия Казаева в Албене. Опасный противник, тем более что его наверняка опекают британские кураторы из Ми-6. Не могут же англичане бросить своего любимчика на произвол судьбы, поскольку, сочтя себя преданным, тот не замедлит с дачей разоблачительных показаний.

Но пока Седой помалкивает. Таится, выжидает, наблюдает. Загнанный в угол, он способен если не на все, то на многое.

«Как, впрочем, и я, – подытожил Юрьев, поднявшийся на террасу ресторана ровно без четверти десять, за пятнадцать минут до закрытия. – Тоже способен на многое. Хотя в угол меня пока никто не загонял и, полагаю, не загонит».

Подбодрив себя таким образом, он принялся за завтрак. Аппетит, странное дело, восстановился. Юрьев уплетал блюда шведского стола с таким удовольствием, что не обратил внимания на оценивающие взгляды, направленные на него через весь зал молодой брюнеткой в зеркальных очках. Ему было не до женщин. Но одна из них явно интересовалась его скромной персоной.

Глава четвертая

1

Сотрудникам информационно-аналитических центров разведуправлений не часто выпадает возможность попутешествовать по свету за казенный счет. Их удел протирать штаны и юбки, сидя в четырех стенах перед мониторами сверхмощных компьютеров. Им положен отпуск, но в командировки их не отправляют, поскольку все необходимые сведения добываются без их участия. Двадцатипятилетняя Агата давно смирилась с этой несправедливостью, когда удача внезапно улыбнулась ей. Поскольку операция затевалась молниеносная, руководству некогда было создавать традиционную агентурную сеть. Агата Дичева оказалась единственной сотрудницей Национальной разведывательной службы Болгарии, свободно изъясняющейся на русском, немецком, французском и английском языках. По этой ли причине или по каким-то иным соображениям, но ей впервые доверили миссию связного и ассистента при русском шпионе. Не какой-нибудь там сотрудник посольства с дипломатическим иммунитетом. Самый настоящий профессионал.

Вот так приключение!

Прибыв в Албену накануне, Агата поселилась в корпусе «Б» отеля «Кардам» и пока что осваивалась, не спеша открываться русскому. К чему подгонять время, которое и без того мчится чересчур быстро. К тому же заместитель НРСБ в своей напутственной речи сказал:

– Усердствовать не надо, лейтенант Дичева. Политическая обстановка переменчива. Сегодня президенты Болгарии и России сходятся во мнениях, а завтра между ними могут возникнуть непреодолимые разногласия. Понимаете? Например, по поводу строительства газопровода. Или по поводу личности господина Казаева. Допускаю, что он действительно виновен в приписываемых ему преступлениях. Но на настоящий момент господин Казаев является гражданином Великобритании. Наша миссия очень, очень деликатная. Мы не смогли отказать бывшему Большому Брату в оказании содействия, однако не должны забывать об осторожности. Вам поручается создать предпосылки для взятия Казаева под стражу, и только. Его дальнейшую судьбу определять не нам с вами. И будьте с русским партнером настороже, лейтенант Дичева. Не расслабляйтесь ни на минуту, как если бы вы находились в клетке с матерым волком.

Сравнение с волком произвело на Агату совсем не тот эффект, которого добивался шеф. Заинтригованная, она ознакомилась со скудным досье на Юрьева, собранным по крупицам из разных источников. Он фигурировал там под десятком фамилий, ни одна из которых не была достоверной. Не

обнаружила Агата в досье и послужного списка. Зато с любопытством прочитала копию характеристики, данной Юрьеву в начале его карьеры. Там, помимо всего прочего, было написано черным по белому следующее:

Скрытен. Замкнут. Не склонен к сентиментальности и проявлению нежных чувств. Половые связи носят случайный и скоротечный характер. Об этом свидетельствуют немногочисленные любовницы ОБЪЕКТА. Так, направленная к нему для проверочной вербовки КАССАНДРА охарактеризовала ОБЪЕКТ следующим образом:

«Настоящий робот, созданный по образу и подобию человека, но лишенный человеческих эмоций. В постели настолько же молчалив, насколько неутомим. Переспать с ним все равно что провести ночь со включенным отбойным молотком. Но женщины — не мраморные статуи, чтобы удовлетворяться тем, что их без передышки долбят часами, забывая поинтересоваться их чувствами или поделиться своими».

Фригидная дура, решила Агата, прочтя эти откровения. К тому же фантазерка. Не существует в природе мужчин, неутомимых, как отбойные молотки. И не матерые волки они, а обычные кобели.

Или все же встречаются исключения? Если да, то пусть бы они встречались Агате. Ну хотя бы одно! Хотя бы раз в жизни!

К ее удовольствию, досье было снабжено несколькими качественными прошлогодними фотографиями Юрьева, позволяющими оценить его заочно. Внешне он понравился Агате. Не воплощение грубой мужественности, но и не изнеженное инфантильное создание. Стройный, элегантный, подтянутый, с росчерками морщин, четкими, как линии гравера. Лицо красивым не назовешь: слишком резкие черты и угловатые челюсти, зато в линии губ угадывается тщательно скрываема чувственность. Отнюдь не голливудский киногерой, однако Агата никогда не питала слабости к красавцам с фотогеничной внешностью. Образно выражаясь, она увидела в Иване ту самую каменную стену, о которой втайне мечтают многие женщины. Кремень-мужик. Гранит. Шершав камень, тяжел на подъем, опасен острыми углами, но прятаться за таким от житейских бурь – милое дело. Не подведет, не выдаст. Правда, если умолять его поступиться какими-то своими принципами, то скорее лоб расшибешь, чем добьешься своего.

«Ну и расшибу, – решила Агата с веселой злостью. – А своего все равно добьюсь!»

Убежденная в том, что так оно и будет, она поднялась со скамьи и зашагала в направлении теннисного корта. Было восемь часов утра. Задержись Агата на несколько минут, и она столкнулась бы с Юрьевым, возвращающимся с пляжа. Но их знакомству было суждено состояться не раньше, чем произойдут неожиданные для обоих события.

Албена просыпалась, готовясь к новому жаркому дню. С улиц исчезли поливальщики и уборщики, один за другим открывались магазины и лавочки, оттуда выносились лотки, заполняемые всяческой снедью. Отметив про себя, что на обратном пути нужно будет прикупить печенья и минеральной воды, Агата свернула на косую аллею, ведущую к корту.

Неподалеку от ограды, густо увитой зеленью, стоял полицейский автомобиль с мигалкой на крыше. Один из тех, что неустанно курсировали по Албене ночами и никому не молили глаза в светлое время суток. Странно, отметила про себя Агата. Что-то случилось?

Нет. Судя по расслабленным позам полицейских, они никого не ловили, не выслеживали и не искали. Стояли на некотором удалении от машины, рассеянно глаза по сторонам. Их было трое, и они почему-то держались отдельно друг от друга. словно перекрывая подступы к корту, как заподозрила Агата.

Она замедлила шаг и приостановилась. Двое полицейских смерили ее цепкими взглядами и отвернулись. Третий, тот, что находился ближе к входу, ободряюще улыбнулся.

– Добрый день, – поприветствовал он Агату, слегка качнув головой.

– Туда нельзя? – спросила она, указав на ограду.

– Почему? – удивился полицейский.

– Такое впечатление, что корт охраняется, – сказала Агата.

– От кого?

– Ну, не знаю...

– Мы отдыхаем после ночного дежурства, – пояснил полицейский, продолжая улыбаться. – Просто отдыхаем. Проходите, пожалуйста, ни о чем не беспокойтесь и почувствуйте себя как дома.

Обозвав себя глупой трусихой, Агата наградила полицейского ответной улыбкой, пересекла тротуар, толкнула калитку и вошла на корт.

Обычно по утрам здесь играли две-три пары, да еще кто-нибудь разминался возле щитов, отрабатывая приемы и подачи. Сегодня площадка была пуста. Белели туго натянутые сетки, желтели похожие на цыплят мячи, но игроков не было, и на мгновение Агате показалось, что она видит один из тех неприятных снов, когда оказываешься в совершенно безлюдном городе, пронизанном ощущением надвигающейся опасности. Вот-вот появится кто-то страшный и прорычит злорадно...

– Хелло!

Услышав приветствие, Агата обернулась столь резко, что у нее хрустнули шейные позвонки. К своему несказанному облегчению, она увидела не чудовище, не какого-нибудь

кошмарного персонажа. За спиной стоял и приветливо улыбался незнакомый мужчина в кремовом костюме. Симпатяга, если не брать во внимание тяжелый раздвоенный подбородок. Прежде Агата его здесь не встречала. Вчера на корте управлял молодой горбоносый парень, готовый за отдельную плату потренировать новичков или составить пару одиноким. Вечером, когда посетителей стало больше, на помощь парню пришла такая же худая и носатая девушка, доводящаяся ему то ли сестрой, то ли женой. Но этого мужчину Агата видела впервые. Господи, ну и челюсти! Такими впору стальную проволоку перекусывать.

– Халло, – откликнулась Агата после секундного замешательства на болгарский манер, через букву «а».

Улыбка мужчины расширилась.

– Насколько мне известно, вы в совершенстве владеете английским языком, лейтенант Дичева. Почему «халло»?

– Так здесь принято, – растерялась Агата. – Кто вы? И почему вы заговорили со мной по-русски?

– Вы ведь приехали сюда попрактиковаться, не так ли? – воскликнул мужчина с раздвоенным подбородком. – Правда, не столько в разговорном русском языке, сколько в оперативной работе.

– Вздор!

– Не надо раздражаться. И нервничать не надо. В конце концов, я здесь всего лишь временный гость, а вы – полноправная хозяйка.

Агата не чувствовала себя хозяйкой. Не теперь, очутившись с глазу на глаз с незнакомцем, неспешно приближающимся к ней без ракетки в руках.

– Петр Иванович Сидоров, – представился он. – Для вас просто Петр.

– Агат... Послушайте, вы кто? Что вам надо?

– Я сотрудник Секретной разведывательной службы Соединенного Королевства, – без пафоса произнес мужчина, назвавшийся Сидоровым. – «Ми-шесть», как еще нас величают.

– Англичанин? – удивилась Агата.

– Русский. Точнее, россиянин. У нашего народа, знаете ли, каких только кровей в жилах не намешано. Что касается СИС, то там около десяти процентов агентов – мои соотечественники.

Не переставая говорить, Сидоров то останавливался, то снова делал шаг вперед.

– У меня, – отчеканила Агата, – нет никаких дел с секретными агентами, каких бы они ни были кровей.

– Бросьте, – отмахнулся Сидоров. – Мне о вас известно многое, лейтенант Дичева. Посудите сами: я точно знал, что рано утром вы придете размяться на корт. Это говорит о моей осведомленности, не так ли? А тот факт, что на корте нет посторонних, говорит о моих широчайших возможностях. Полицейские снаружи – настоящие. Приехали из Варны по моей просьбе. Я не давал им взятку, заметьте. Просто они

рады услужить моему ведомству.

Он остановился и выжидательно склонил голову к плечу. Казалось, его здорово забавляет замешательство Агаты.

– Если вы рассчитываете, что я буду рада услужить вам тоже, – медленно произнесла она, озираясь, – то вынуждена вас огорчить.

– Взаимно, – сверкнул зубами Сидоров.

– Что? – не поняла Агата.

– Буду вынужден вас огорчить. Вижу, вы не горите желанием общаться со мной. Однако вам придется меня выслушать. Это неперемнное условие.

С этими словами Сидоров сделал полшага вперед. Агата обмерла. *Как он представился?* Иванов, Петров, Сидоров – эти русские фамилии распространены настолько, что, по сути дела, сохраняют инкогнито обладателя. Словно Джон Смит в Америке.

– Вы действительно Сидоров? – осведомилась Агата, беря ракетку наперевес. – Или, к примеру, Сидор Петрович Иванов? Или...

– Уж, во всяком случае, не Иван Сидорович Петров, – засмеялся мужчина, подмигивая.

– Но...

– Русские говорят: хоть горшком назови, только в печь не сади.

Шутка Агату не развеселила и не успокоила.

– Я буду кричать, – предупредила она, пятясь.

– Нет проблем, – пожал плечами мужчина, неотступно следуя за ней.

Он лгал. Проблемы были, да еще какие. Агата поняла это, когда обнаружила, что выход с корта преграждает полицейский, который предложил ей не беспокоиться и чувствовать себя как дома. Еще одна ложь. Корт был западней, ловушкой, тупиком, но уж никак не безопасным местом, где можно расслабиться.

Заметив, что Агата намеревается кинуться к выходу, полицейский покачал в воздухе наручниками и предостерегающе погрозил пальцем.

– Не советую шутить с блюстителями порядка, – тихо произнес мужчина под явно вымышленной фамилией Сидоров. – Сами знаете, они начисто лишены чувства юмора. Чуть что, полицейский собьет вас с ног, повалит на землю и заломит руки за спину. Или, может быть, вам нравится, когда вам делают больно?

– Нет! – выкрикнула покрасневшая до корней волос Агата.

– Теперь я на сто процентов убежден в том, что вы настоящая...

Сидоров облизал губы.

«Мазохистка? – ужаснулась Агата. – Он и это знает? Чтоб они сгорели, все эти личные досье, которые попадают на глаза кому ни попадя!»

– ...настоящая болгарка, – удовлетворенно констатировал Сидоров. – Вместо того чтобы отрицательно помотать головой, вы кивнули. А когда подразумевается «да», вы, наоборот, делаете общепринятый отрицательный жест. Не так ли?

Агата безмолвно открыла и закрыла рот. За время тирады Сидоров сократил дистанцию до полутора шагов. Со сво-

им подбородком он мог бы затмить французского актера, сыгравшего Фантомаса и его вечного соперника, журналиста Фандора. Как звали актера, вспомнить не удавалось.

«Идиотка! – обругала себя Агата. – При чем тут актеры, журналисты и фантомасы! Я не героиня остросюжетного детектива, а обычная женщина, попавшая в беду. Как быть? Что делать?»

– Ваш телефон, пожалуйста. – Сидоров протянул руку, такую же сильную и мужественную, как его подбородок. – Не хочу, чтобы кто-то помешал нашей доверительной беседе.

– Мне никто не должен звонить.

– Жизнь полна неожиданностей. А вдруг кто-то все же нарушит наш покой? Или вы сами решите сделать звонок. Адвокату, хе-хе. Из юридической фирмы НРСБ. – Удерживая Агату за плечо, Сидоров попытался завладеть ее сумкой. – Соппротивление бесполезно, – увещающе произнес он. – Вход посторонним на корт временно запрещен, помощи вам ждать неоткуда. Остается подчиниться неизбежному. – Сидоров вторично дернул сумку. – Там, где я родился и провел худшую половину своей жизни, есть поговорка. Звучит она так: «Если изнасилование неизбежно, то расслабься и получи удовольствие».

Агата не расслабилась. Ничего хорошего или тем более приятного от Сидорова ожидать не приходилось. Особенно после того, как он грубо завладел сумкой и запустил туда руку.

– Вы за это ответите, – пригрозила Агата.

– Непременно, – согласился Сидоров. – Перед Ее Величеством Королевой. Но Болгария слишком маленькая и бедная страна, чтобы отстаивать интересы своих граждан. Даже хороших контрразведчиц. – Он повернулся к полицейскому. – Возьмите, пожалуйста, телефон, Богомилов, и оставьте нас ненадолго.

– Уже прошло пятнадцать минут, – нерешительно заговорил полицейский, – а мы договаривались о...

– Ненадолго, – повторил Сидоров с нажимом. – Ступайте и займитесь делом.

Внезапно Агата пожалела о том, что служит Болгарии, а не какой-нибудь другой стране, полицейские которой ни за что не станут подчиняться приказам иностранных шпионов. Это было мимолетное, но обидное чувство. Лейтенант Агата Дичева овладела собой.

– Мы будем беседовать стоя? – спросила она. – Или предложите даме сесть?

– Присаживайтесь. – Сидоров любезно указал на ряд скамеек, протянувшихся вдоль корта. – В ногах правды нет. Как, впрочем, и в любых других частях тела.

Они молча подошли к скамье и, не сговариваясь, опустились на нее, развернувшись вполоборота друг к другу.

– Я слушаю, – нарушила тишину Агата.

– Вот что я уполномочен вам сообщить, – заговорил Сидоров, время от времени прикасаясь к своему выдающемуся

ся подбородку, словно опасаясь обнаружить там отсутствие впадины. – Нам известно, что в Албене находится российский разведчик, с которым вы должны связаться сегодня. Известно нам также и то, что ваш временный тандем намеревается предпринять акцию против моего соотечественника Казаева. Я понимаю: приказ есть приказ. – Сидоров ласково накрыл руку Агаты своей ладонью. – Я не призываю вас заниматься саботажем и не вербую вас в «Ми-6». Все гораздо проще.

– Слушаю, – повторила Агата, высвобождая руку.

– От имени своего руководства прошу вас отсрочить проведение операции или, по крайней мере, растянуть ее на неделю. К этому времени Верховный суд Британии оправдает моего подзащитного, он возвратится на родину, а вы... – Сидоров фамильярно ткнул Агату в грудь, – ...а вы обнаружите на своем банковском счету пятьдесят тысяч евро, которых там раньше не было. Назначение платежа – на ваше усмотрение. Можете даже поторговаться, чтобы увеличить гонорар на десять тысяч. Это максимум.

– Не буду я торговаться, – сказала Агата.

– Почему? – удивился Сидоров.

Точнее, изобразил удивление.

Когда в начале 2007 года лондонская «Дейли таймс» опубликовала сенсационный материал о том, что «Сикрет Интеллидгент Сервис» располагает обширными данными не только на англичан, но и на десять с лишним миллионов иностранных граждан, это сочли преувеличением. Напрасно. В СИС только посмеялись над наивностью автора. В электронных анналах британской разведслужбы содержалось более семидесяти пяти миллионов досье, тогда как население туманного Альбиона в полтора раза меньше. Стоит ли после этого удивляться, что сотрудник СИС, готовясь к встрече с болгарской разведчицей, ознакомился с ее характеристиками?

Он примерно представлял, чего можно ожидать от Агаты. Имел представление о ее неумеренной любвеобильности, профессиональных качествах, привычках, амбициях. Он знал также, что болгарка зарекомендовала себя неподкупной и преданной сотрудницей. Надежда на то, что ее удастся уговорить нарушить присягу и инструкции, была равна если не нулю, то числу, близкому к нулю. Но Сидорова это не беспокоило. Разведчик с многолетним стажем, он привык плести сразу несколько нитей интриги. Откровенная вербовка лежала на поверхности. Главное ускользало от внимания Агаты.

– Я не буду торговаться потому, – сказала она, – что выполняю приказы других людей.

– А просьбы? – обезоруживающе улыбнулся Сидоров.

– Смотря какие.

– Не те, которые вы привыкли выслушивать от других мужчин.

Помимо воли, Сидоров окинул Агату оценивающим взглядом. Не писаная красавица, как и подавляющее число болгарок, о которых говорят даже не «кожа да кости», а «кости да глаза». Но нос прям и не чрезмерно велик, смугла в меру, а формы пышные.

– К сожалению, – добавил Сидоров, задержав глаза на близком бюсте, рассеченном глубокой ложбиной.

– Он сожалеет! – воскликнула Агата, словно призывая в свидетели отсутствующих зрителей. – Грубит, отбирает вещи, а потом сожалеет!

– Я не грабитель и не уличный хулиган. Я ваш коллега. А что касается нашей сделки, то она взаимовыгодна, согласитесь.

– Ни за что не соглашусь, – качнула головой Агата. – Сделки не было. И не будет.

– Выходит, – нахмурился Сидоров, – я должен вернуться в Лондон несолоно хлебавши?

Он пока что не собирался покидать гостеприимную Болгарию. Фраза была сродни обманному финту футболиста.

Агата проглотила пустышку, не моргнув глазом.

– Выходит, что да, – сказала она.

– Вы меня очень разочаровали.

– Я рада.

Решив, что слов и времени затрачено достаточно, Сидоров встал.

– Вы ничем не рискуете, – сказал он с миной человека, не верящего в удачу. – Неделя! Поморочьте русскому голову одну неделю, и вам заплатят по девять тысяч евро за каждый день недели!

– Примерно по восемь с половиной, – автоматически подсчитала Агата. – Хороший заработок. Но не для меня.

– Эти деньги вы можете получить за совсем уж пустяковую услугу. – Сидоров выставил мизинец. – Расскажите мне об операции. Меня устроят самые общие сведения.

– Ничего не выйдет, – тряхнула волосами Агата.

– Хотя бы намекните!

– Нет!

– А вы упрямица, – процедил Сидоров. Его лицо сохраняло доброжелательное выражение, но глаза смотрели зло. – Что ж, в таком случае перейдем к заключительной процедуре. – Он извлек из кармана баллончик, в котором мог находиться дезодорант, но, конечно же, находилось нечто далекое от парфюмерии. – Я вынужден соблюдать меры предосторожности. Не бойтесь, небольшая доза слабого наркотического вещества вам не повредит. Это даже приятно. В известной мере.

– Вы не посмеете, – прошептала Агата, уставившись на баллончик.

– Не смешите меня, – отчеканил Сидоров без тени улыбки.

– Я буду жаловаться!

– Ваше право. Обращайтесь хоть в ООН, хоть к самому папе римскому. Правда, папы римские недолюбливают болгар, и, согласитесь, у них есть на то причины.

С этими словами Сидоров поймал Агату за запястье. Она стремительно повернула руку, высвобождаясь из захвата. Чехол с ракеткой и сумка упали на землю. Наступая на них, Сидоров догнал попятившуюся девушку и защемил пальцами сосок ее груди, проступающий сквозь тонкую ткань тенниски. Она взвизгнула от отвращения и боли. Сидоров поднес к ее лицу баллончик.

Пнув его в голень, Агата отскочила. Устремившийся за ней Сидоров сгреб ее за ворот тенниски. Баллончик снова замаячил перед самым носом. Инстинктивно зажмурившись, Агата изо всех сил рванулась назад. Коварный противник дождался, пока она окажется в неустойчивом равновесии, и внезапно разжал пальцы. Агата с размаху села на землю. В следующее мгновение Сидоров навалился на нее, сосредоточенно сопя.

– Какой темперамент! – прошептал он отбивающейся Агате на ухо.

Она боднула его головой в нижнюю челюсть, с удовлетво-

рением слышала лязг зубов, а потом укусила потную ладонь, зажимающую ей рот. Из баллончика вырвалась шипящая струя.

– Вот так, – деловито приговаривал Сидоров, – вот так.

Пи-ит! Пи-ит!

Прослезившаяся Агата закашлялась, забилась и обнаружила, что ее уже никто не удерживает силой. Можно звать на помощь. Можно отбиваться, спастись бегством, много чего можно...

И ничего нельзя.

Мир накрылся и пошел кругом, производя звонкий хрустальный звон, постепенно переходящий в свист. Солнечный свет сделался ярче и вдруг померк, как негатив. Кружась вместе с планетой, Агата вцепилась в нее обеими руками, но это не помогло ей сохранить сидячую позу. Всклипнув, она упала на бок и без удивления осознала, что вот-вот потеряет сознание. Это была последняя связная мысль. На некоторое время Агата исчезла из окружающей реальности, а реальность исчезла для нее.

Глава пятая

1

После плотного завтрака Юрьев не сразу поднялся в гостиничный номер, а опустился на скамью, окруженную кустами роз. Ему нравилось в Албене, этом милом маленьком городке, оживающем летом и погружающемся в зимнюю спячку с наступлением холодов. Совершая ежедневные прогулки, он уходил далеко на север или на юг, и всюду природа радовала его чистыми красками, свежим воздухом, восхитительными видами и доброжелательностью местных обитателей. Будь то бедные рыбаки с северной окраины, состоятельные владельцы кафе в центре или беспечные пляжники, жарящиеся на солнцепеке, все они неизменно приветствовали встречных пожеланием доброго утра, доброго вечера, доброй ночи.

Это была миниатюрная сказочная страна, в которой круглосуточно царил Его Светлейшее Сиятельство День Добрый. Стоило лишь произнести волшебный пароль, как тебе улыбались все вокруг, вне зависимости от толщины твоего бумажника и веса кредитной карточки. Менеджеры отелей, горничные, официанты, продавцы, таксисты, извозчики, полицейские, фотографы – все вместе и каждый по от-

дельности были готовы прийти на помощь, оказать любезность, что-то подсказать, что-то показать, ободрить, развеселить, ответить шуткой на шутку, причем все это проделывалось без лицемерия и лакейского подобострастия, со спокойным достоинством людей, знающих цену себе и ближним. Это был мир, в котором отсутствовали злоба, грубость, хамство. В Албене не попадались на глаза пьяницы, хулиганы или развязные тинейджеры, намертво присосавшиеся к пивным бутылкам. Если по ночам и выходили на улицу проститутки, то держались они в рамках приличия: шепнут издали «халло» и моментально отвяжутся, не встретив ответного интереса.

Рай на земле? Почему бы и нет? Истинный туристический рай.

Повсюду зелень, благоухание роз, все тщательно убирается, четко обслуживается и управляется, что выдает присутствие некоего единого хозяина, незримо заботящегося об уюте многих тысяч своих гостей. Такие мелочи, как завышенные цены на кебаб и поп-корн, не портили общего впечатления от пребывания в Албене. Скромный сервис сторицей окупался идеальной чистотой и порядком.

Это полностью соответствовало натуре Юрьева, который был педантичен, опрятен и аккуратен. Он никогда не бросал окурки мимо урны, а курил не чаще двух раз в день. Это были сигары, ароматные гаванские сигары, хранящиеся в красивой деревянной шкатулке. Первую Юрьев обычно выкури-

вал после обеда, а дымом второй наслаждался ночью, устроившись на балконе со стаканом пахучего рома в руке. Но после сегодняшнего происшествия на море он был готов изменить привычке: влить в себя не одну порцию выпивки, а сразу две. И немедленно закурить, несмотря на то что день только начинается.

«Полагаю, однажды я так и поступлю, – пообещал себе Юрьев, глаза по сторонам. – Например, если во время следующего заплыва обнаружу на дне еще одну руку. Или ногу. Или вообще парочку утопленников».

Он не подозревал, насколько близок к разгадке вчерашней трагедии, разыгравшейся в море. Ведь трупы несчастной Цветелены Момчевой и Гюнтера Кауффмана находились не так уж далеко. Первому осеннему шторму предстояло поднять их со дна и выбросить на пустынный берег в окрестностях Балчика, где они окажутся частично погребенными под песком, а частично склеваны прожорливыми чайками. Но до шторма было далеко, тогда как убийцы рыскали совсем рядом.

Не подозревая об этом, Юрьев наблюдал за прохожими, определяя черты их характера. Он знал, что люди умышленно или непроизвольно стремятся замаскировать свое внутреннее содержание внешней игрой. Однако на проницательного человека эти уловки не действуют.

Вот мимо прошел мужчина, энергичная походка которого свидетельствовала о его целеустремленности, тогда как стиснутые в кулаки руки и приподнятые плечи выдавали замкнутость и неуверенность в себе. А вот беседующая на тротуаре пара. Молодой человек в зеленой майке что-то быстро говорит, подавшись всем корпусом вперед и заглядывая собеседнице в глаза. С ним все ясно: в чем-то провинился и заглаживает свою вину подхалимажем. Скорее всего оправдания его лживы, поскольку он держит руки за спиной, как бы утаивая что-то. Не напрасно девушка ему не верит, подбоченившись и качая головой. Вместе с тем она немного опасается спутника, потому что упирается в бока не ладонями, а кулаками. Ее корпус и носки босоножек направлены чуть в сторону от собеседника – верная примета того, что девушке не терпится завершить выяснение отношений и уйти. Так она и поступила минутой спустя. Молодой человек исподлобья посмотрел по сторонам, резко развернулся на каблуках и двинулся в обратном направлении. Проходя мимо Юрьева,

он пересчитывал игральные фишки, разложенные на ладони. Завсегдатай казино, проигравшийся накануне в пух и прах? По всей видимости, да.

Потеряв интерес к незадачливому игроку, Юрьев переключил внимание на семью, дожидаящуюся своей очереди у таксофона. Мальчик откровенно скучал: это выражалось в том, как он шаркал подошвой об асфальт, и в том, какими пустыми, невидящими глазами смотрел вокруг. Высокая худая девочка с выступающими ключицами рассеянно грызла дужку очков, явно что-то обдумывая, причем мысли у нее были явно невеселые. Пластмассовая загогулина заменяла ей карандаш или ногти, которые любят обтачивать зубами подростки, испытывающие внутренний дискомфорт или переживающие конфликт. Бросив взгляд на мать девочки, Юрьев решил, что они в ссоре. Может быть, мать не купила дочери какую-нибудь вещь, а может быть, просто отчитала ее за что-то. Теперь женщина переживала, хотя убеждала себя, что поступила правильно, и старалась не подавать виду, что считает себя виноватой. Ее истинные чувства проявлялись в нервных движениях, которыми она то и дело поправляла прическу или просто поглаживала шею. Что касается главы семейства, то он не опускался до подобных мелочей. Этот человек стоял с заведенными за спину руками, широко расставив ноги и подняв подбородок. Поза военных, полицейских и вообще командиров любого ранга.

Последняя мысль направила размышления Юрьева в но-

вое русло. *Военные...* Кто, как не они, лихо орудует ножами? Может быть, руку неизвестному мужчине отсекли парни из морского спецназа? Если Казаев находится в Албене, то высока вероятность, что он находится под опекой Секретной разведывательной службы Великобритании. Не бросили же его на произвол судьбы? Казаев слишком много знает, чтобы допустить его экстрадицию в Россию. Или его не отдадут, или уничтожат, а убийство постараются свалить на российские спецслужбы. Это в духе современных Джеймсов Бондов, окопавшихся на Воксхолл-Кросс в Лондоне.

Шеф СИС, совмещающий должность генерального директора с постом заместителя министра иностранных дел, питал давнюю неприязнь к Кремлю, поскольку работал в Москве, где в 1994 году был арестован. С позором выдворенный из России, он в завуалированной форме пообещал отомстить русским и последовательно занимался этим на протяжении многих лет. Можно не сомневаться, что лондонские «диссиденты» вроде Березовского и Казаева пользуются особым покровительством «Ми-6». Это – «хорошие русские», в отличие от десятков миллионов «плохих», не желающих плясать под дудку Запада. Таких «хороших», кстати говоря, немало среди агентов Секретной службы. В прежние времена туда набирали джентльменов – выходцев из аристократических семейств, военных моряков, выпускников Оксфордского университета, короче, публику, действующую красиво и элегантно. Нынче «Ми-6» превратилась в приют для

всевозможных авантюристов, мошенников, предателей, вымогателей, воров, киллеров. Иностранцы, уличенные в преступлениях у себя на родине, бегут в Лондон, где нанимаются на работу в СИС. Россиян там особенно много. Какой-то журналист даже написал, что стены туалетов на Воксхолл-Кросс приходится регулярно очищать от русских матерных слов. Менталитет-с.

Ничего, подумал Юрьев, при ежегодном бюджете в 150 миллионов фунтов можно позволить себе парочку лишних косметических ремонтов. А русские, пакостящие в английских сортирах, верой и правдой служат Ее Королевскому Величеству.

Рыцари плаща и кинжала... Рыцари десантного ножа...

Со скамьи, на которой сидел Юрьев, не было видно моря, и все же он машинально посмотрел в ту сторону, словно ища глазами яхту. Превосходное убежище для человека, избегающего контактов с окружающими. А для того чтобы наверняка оградить Казаева от опасности, судно могло охраняться аквалангистами. Вряд ли подводную вахту несут соотечественники Казаева, которые и на поверхности-то плавать толком не умеют. В таком случае в качестве водолазов используются профессионалы. Ну хотя бы ребята из так называемого спецназа Эс-Би-Эс – Спешл Боат Сервис. Британский вариант «морских котиков», носящих девиз «Не силой, а хитростью» и эмблемы в виде лягушки под куполом парашюта.

СБС имеет самую тесную связь с СИС, поскольку во время Второй мировой войны обе службы выросли из одного и того же подразделения коммандос. Люди-амфибии скрытно действуют по всему миру, осуществляя диверсии и разведку прибрежных территорий. Они бесстрашны, безжалостны, опасны и сильны. Чтобы стать только кандидатом Эс-Би-Эс, десантник должен проплыть 600 метров за пятнадцать минут, затем без передышки преодолеть 50-метровую дистанцию в одежде, с оружием и снаряжением, и, наконец, проплыть 25 метров под водой. Дальше критерии отбора ужесточаются еще сильнее. Марш-броски, гребля, курсы на выживание, стрельба, минирование, обучение иностранным языкам – все это и многое другое превращает подводных спецназовцев в грозу морей и океанов. Вооружены они, как правило, автоматическими винтовками, дымовыми и фосфорными гранатами, пистолетами «браунинг» повышенной мощности и, конечно же, ножами.

Приученные действовать скрытно, боевые пловцы остаются незамеченными вблизи от многолюдных пляжей, патрульных катеров и причалов. Им и полный штиль нипочем, и шторм. Они отлично ориентируются под водой и на поверхности, совершают многочасовые погружения и многокилометровые заплывы. Юрьев, имевший некоторый опыт подводного плавания, был в сравнении с ними сущим ребенком. Утопят, как котенка.

Как плотного рыжеволосого мужчину, носившего на

пальцах перстень и обручальное кольцо.

Преувеличение? Как бы не так. В 1994 году британский парламент принял «Закон о разведывательных службах», санкционирующий проведение специальных операций в целях национальной безопасности. Этот документ подтвердил и без того существовавшее де-факто право разведчиков пользоваться любыми средствами и методами, а также освободил их от ответственности за действия, которые в самой Англии трактуются как преступные.

В том числе, индивидуальные и массовые убийства.

Несчастный, лишившийся руки и, скорее всего, жизни, мог поплатиться за обычное любопытство. Например, вздумалось ему подплыть к яхте, чтобы рассмотреть ее вблизи, а охранники приняли его за лазутчика. Хотя он мог действительно являться лазутчиком. Необязательно иностранным. На памяти Юрьева было немало случаев, когда операции срывались из-за пересечения интересов СВР, ФСБ и ГРУ. Если потомки чекистов специализировались на чисто полицейских акциях, то гэрэушники использовались для грубой, черновой работы, объединяющей элементы шпионажа, терроризма и партизанщины. Последние отличались от прочих разведчиков тем, что не только искали и обнаруживали важные вражеские объекты, но и при необходимости атаковали и уничтожали их. Не задумали ли в Главном разведывательном управлении армии ликвидацию Казаева?

Проанализировав эту версию, Юрьев отбросил ее как ма-

ловероятную. Спецназовцы ГРУ действуют не поодиночке, а группами. Они с одинаковой четкостью действуют в тайге и непроходимых джунглях, в горах и в пустынях, среди лежащих снегов и городских окраин. Будь у них соответствующий приказ, никакие спецслужбы мира не смогли бы уберечь Казаева от неминуемой гибели.

Убедившись, что больше ничего путного в голову не лезет, а солнце припекает все сильнее, Юрьев поднялся со скамьи и отправился в гостиницу.

Глава шестая

1

Агата словно выпала из одной реальности в другую и обнаружила, что сидит на лавке у ограды корта, зажав ракетку коленями и уставившись остекленевшими глазами под ноги. Это напоминало пробуждение от наркоза. Только что Агата пребывала в совершенно ином мире, наполненном яркими звуками, фантастическими образами и точными мыслями, составленными из плывущих в пространстве титров. Но в том мире никто не играл в теннис, то и дело подозрительно поглядывая на окаменевшую, как статуя, девушку. Там, где она пришла в себя, все было иначе. Носатый юноша заметил, что Агата дико озирается по сторонам, и поспешил к ней с расспросами. Нет-нет, заверила она юношу, я не нуждаюсь в помощи. Просто утро жаркое выдалось. Наверное, голову напекло.

Стараясь не шататься, Агата подхватила вещи и покинула корт. Некоторое время она шла, тяжело волоча ноги, но через минуту одурь начала проходить. Остановившись, она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, прочищая затуманенные мозги.

«Какой гадостью меня опрыскали? – размышляла Ага-

та, прислушиваясь к хлестким ударам ракеток по мячам. – Петров... Нет, Сидоров!.. Он что-то говорил о легком наркотики. Ничего себе легкий! – Агата приложила ладонь ко лбу. – Голова просто-таки раскалывается! Сколько времени это продолжалось? – Сверившись с часами, она слегка успокоилась. Транс продлился не целую вечность, как ей показалось. – От пятнадцати до двадцати минут. Но для чего британскому разведчику потребовалась эта наркотическая процедура? Не насиловал же он меня, воспользовавшись моим беспомощным состоянием? – Агата машинально провела рукой от бедра до груди, убеждаясь в том, что вся одежда на месте. – Уф-ф, все в порядке. Нет, не все!»

Пальцы нащупали крохотную выпуклость под тканью тенниски. Воровато озираясь, Агата запустила руку в вырез, прощупала бретельку бюстгалтера и едва удержалась от торжествующего возгласа. Вот оно что!

Булавка с неприметным белым шариком, воткнутая в матерчатую лямку! Якобы булавка! А на самом деле, конечно же, миниатюрный передатчик! Господину Сидорову вздумалось подслушивать разговоры Агаты Дичевой. Так-так. А не оставил ли он на память о себе еще несколько сувениров подобного рода?

Чуть ли не бегом возвратившись в гостиницу, Агата разделась догола, исследовала одежду, белье, не обнаружила посторонних предметов и занялась сумкой. Есть! Вторая булавка – с синей головкой – торчала в подкладке. Предусмот-

рительный негодяй! Знает, что женщины не всегда ходят в бюстгальтерах, зато без сумочек с косметичками и прочими необходимыми вещами они как без рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.